

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Исторический факультет
Направление 46.04.01 «История»
Программа магистратуры «История культурного наследия
России и Болгарии»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

**Общество истории и древностей российских: образование
и деятельность**

Автор:

Татаров В. Ю.

Научный

руководитель:

к.и.н., доц.

Дауэнгауэр О. В.

Допущен к защите:

Руководитель ООП:

Тверь 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. История Общества истории и древностей российских при Московском университете.....	16
§ 1. Исторический фон и предпосылки возникновения ОИДР.....	16
§ 2. Создание и начальный этап деятельности ОИДР.....	23
§ 3. Этапы эволюции ОИДР.....	32
Глава II. Деятельность ОИДР в сфере охраны культурного наследия: актуализация письменного наследия и сохранение древностей.....	44
§ 1. Издание летописей, древнерусских юридических и литературных памятников в ОИДР как способ актуализации средневековой русской культуры.....	44
§ 2. Публикация документов в ОИДР как вклад в актуализацию письменного наследия.....	57
§ 3. Коллекции ОИДР: каталогизация манускриптов, старопечатных книг, старинных монет и медалей.....	64
Глава III. Научные труды ОИДР как интеллектуальный вклад в культурное наследие России и славянских народов.....	73
§ 1. Научно-исследовательская деятельность ОИДР в сфере изучения письменного наследия. Научные труды по истории России и славянских народов.....	73
§ 2. Исследования памятников материальной культуры.....	83
§ 3. Исследования, связанные с нематериальным культурным наследием.....	89
Заключение.....	96
Список использованных источников и литературы.....	103
Приложение. Структура культурной деятельности ОИДР.....	115

ВВЕДЕНИЕ

Общество истории и древностей российских (далее – ОИДР) ставило перед собой преимущественно археографические задачи – «критическое издание» полного свода древнерусских летописей, а впоследствии – выявление и издание всего корпуса источников российской истории. В конце прошлого столетия в отечественной историографии наметился подход, признающий археографию особым культурным феноменом, а археографическую практику компонентом культурной деятельности. В рамках этого подхода публикация интерпретируется как средство фиксации и передачи культурной традиции и выступает как элемент общего культурного наследия. Культурологический подход в осмыслении феномена археографии явился следствием антропологизации исторического познания в последней трети XX в., когда возникла потребность в изменении представлений о проблематике, задачах и подходах исторической науки. «Культурный поворот» на рубеже столетий задал новые направления научного поиска в области антропологически ориентированной истории.

Рассмотрение различных аспектов функционирования ОИДР в контексте указанного подхода представляет собой новую исследовательскую задачу, а потому приобретает особую актуальность.

Таким образом, объект исследования – история Общества истории и древностей российских, а предмет – культурная деятельность ОИДР.

Историографическая база исследования представлена отечественной и зарубежной литературой и структурирована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом.

Историография истории и деятельности ОИДР делится на три этапа: дореволюционный (до 1917), советский (1917–1991) и современный (с 1991).

Дореволюционный этап характеризуется слабой рефлексией участников историографического процесса в изучении профессиональной деятельности историков и научно-исторических обществ. Тем не менее в этот период предпринимаются попытки составления фундаментальных историографических трудов в виде монографий, ставших во второй половине XIX в. универсальными формами исторического исследования.

В изучении функционирования ОИДР особое место принадлежит монографии Н. А. Попова, представляющей собой монументальное исследование периода становления этого научного учреждения (1804–1812)¹. В основу монографии легли архивные материалы Министерства народного просвещения, которые автор поместил в приложениях, – протоколы первых заседаний ОИДР, различные делопроизводственные и эпистолярные документы. Возможность использования этих материалов как самостоятельных исторических источников – основная ценность монографии Попова. Ученый планировал продолжить изучение истории Общества, но по каким-то причинам работа оказалась незавершенной.

Краткий очерк деятельности ОИДР, доведенный до 1870-х гг., представил В. С. Иконников в своей «библиографии»

¹ Попов Н. А. История Императорского московского общества истории и древностей российских. М., 1884. Ч. 1 (1804–1812).

русской истории². Характеристика ученым важнейших публикаций Общества может способствовать изучению проблематики исследования.

Небольшой анализ исторического фона возникновения ОИДР содержится в статье В. О. Ключевского, посвященной столетнему юбилею Общества³. Историк показал преемственность ОИДР по отношению к московским научно-просветительским ассоциациям конца XVIII в., отметив, что идея о коллективной разработке отечественной истории появилась задолго до А. Л. Шлецера, которому историки склонны приписывать ключевую роль в создании ОИДР⁴.

Другие очерки и статьи, вышедшие в связи со столетним юбилеем ОИДР, не отличаются оригинальностью в освещении деятельности этого учреждения, а потому не представляют особой ценности⁵.

Таким образом, в дореволюционной историографии детально изучен только начальный этап функционирования ОИДР, отмечена роль научно-просветительских учреждений XVIII века в создании предпосылок возникновения ОИДР.

Советский историографический этап, начавшийся с радикальных политических и социокультурных трансформаций, характеризуется господством в исторической науке марксистской теории общественно-экономических формаций. Исторические события, явления и процессы получили тенденциозную оценку и интерпретацию, сфера научных

² Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1. Отд. 1. С. 297–302.

³ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 187–196.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ См., например: Павлов П. Е. Столетие первого русского исторического общества // Исторический вестник: историко-литературный журнал. 1904. Т. 95. С. 1045–1054.

интересов историков находилась под идеологическим контролем со стороны государства.

В результате хрущевской «оттепели» в научной среде происходит некоторое оживление: с середины 1950-х гг. научная мысль начинает активно проявлять интерес к исторической науке дореволюционной эпохи. Этот интерес отмечен появлением статьи К. В. Сивкова, в которой автор дал общую характеристику археографической деятельности ОИДР⁶.

Подробно археографическая деятельность Общества рассмотрена в учебном пособии Московского государственного историко-архивного института⁷. Периодизация, выполненная в соответствии с формационным подходом, и отсутствие комплексного исследования структуры археографической практики ОИДР – основные недостатки этого обзора. Вместе с тем сопровождающие его комментарии узкопрофильного характера могут способствовать углубленному изучению проблематики исследования.

И. А. Демидов и В. В. Ишутин впервые в отечественной историографии предприняли попытку «общего освещения истории» ОИДР⁸. В своей статье авторы рассмотрели историю и деятельность ОИДР в различных аспектах, вычленив периоды, направления и формы функционирования Общества. В оценке этой публикации мнения расходятся. М. Г. Шахназарова считает, что «статья носит скорее описательный, нежели

⁶ Сивков К. В. Деятельность исторических обществ и архивов // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 573–575.

⁷ Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: учебное пособие / Под ред. М. С. Селезнева. М., 1969.

⁸ Демидов И. А., Ишутин В. В. Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки. Историографический ежегодник. 1975. 1978. С. 250–280.

аналитический характер»⁹. По мнению В. В. Боярченкова, едва ли стоит упрекать ее авторов «в обзорности изложения истории ОИДР», поскольку они были первопроходцами в разработке «нетронутого материала»¹⁰.

На исходе рассматриваемого этапа начинается разработка славянской проблематики в трудах ОИДР¹¹. Монография О. В. Тодийчук интересна своей структурой: комплексное исследование трудов ОИДР «по проблемам истории Украины XVI–XVIII вв.» расчленяется на три аспекта – исторический, археографический и научно-исследовательский¹². Такое членение отражает логику системного подхода в исторических исследованиях.

В современной историографии, представленной отечественной и зарубежной литературой, изучение проблематики, связанной с историей функционирования ОИДР, получает дальнейшее развитие.

Новые политические и социокультурные трансформации, возникшие в конце 1980-х – начале 1990-х гг., сопровождавшиеся распадом СССР и прекращением идеологического контроля над сферой научных интересов

⁹ Шахназарова М. Г. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» как историографический источник (1893–1918) // Вестник РГГУ. № 4/09. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. С. 135.

¹⁰ Боярченков В. В. Историческая наука в России 1830–1870-х гг.: поиск новой концепции русской истории: автореферат дис. ... докт. ист. наук. Нижний Новгород, 2009 // Человек и Наука. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/istoricheskaya-nauka-v-rossii-1830-1870-h-gg-poisk-novoy-kontseptsii-russkoj-istorii> (дата обращения: 27.12.2018).

¹¹ См., например: Ишутин В. В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 97–115.

¹² Тодийчук О. В. Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. Киев, 1989.

историков, повлекли за собой окончание советского историографического этапа и открыли возможность более широкого использования документов архивных фондов.

Заключительный этап функционирования ОИДР реконструирован сотрудником Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) В. Г. Бухертом. Исследование проведено на основе изучения протоколов заседаний ОИДР и других документов, обнаруженных автором в фондах РГАДА и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ)¹³.

На проблеме неразработанности крупнейшего периодического издания ОИДР акцентировано внимание в статье М. Г. Шахназаровой¹⁴. Автор анализирует тематику «Чтений в Обществе истории и древностей российских» (далее – ЧОИДР) за 1893–1918 гг., состав их участников и принципы подбора публикуемого в них материала. Именно в этот период ОИДР становится наиболее представительным институтом исторического знания в России, а авторский состав ЧОИДР – наиболее профессиональным.

Статьи В. Г. Бухерта и М. Г. Шахназаровой проясняют последние этапы истории и деятельности ОИДР, органически дополняя собой обзорный анализ И. А. Демидова и В. В. Ишутина.

В англоязычной монографии сотрудника Тель-Авивского университета В. Каплан исследуется социокультурная роль историков и исторических ассоциаций в жизни императорской России. Автор рассматривает обстоятельства создания ОИДР и

¹³ Бухерт В. Г. Общество истории и древностей российских при Московском университете в 1917–1929 гг. // Археографический ежегодник за 2002 г. 2004. С. 149–165.

¹⁴ Шахназарова М. Г. Указ. соч. С. 133–145.

его функционирование в дореволюционный период в контексте просветительской традиции, инициированной петровскими и екатерининскими реформами¹⁵. Вслед за анализом В. О. Ключевского исследование В. Каплан может способствовать выявлению предпосылок возникновения ОИДР, поскольку содержит развернутую типологизацию научных и просветительских учреждений XVIII в., подготовивших своими типологическими моделями появление специализированных научно-исторических обществ XIX в.

Таким образом, в советской и постсоветской историографии в изучении проблематики функционирования ОИДР достигнуты определенные результаты: предприняты попытки общего анализа археографической и научно-исследовательской деятельности ОИДР, отдельные аспекты изучаемой проблематики разработаны в рамках славяноведческих исследований, в зарубежной литературе проанализированы типологические модели ассоциаций, предшествовавших возникновению ОИДР. Вместе с тем современные исследователи отмечают отсутствие фундаментального труда по истории и деятельности Общества истории и древностей российских.

Историография интерпретации археографической практики в контексте культурологического подхода представлена небольшим числом современных исследований.

Еще в советской историографии на полифункциональную природу документа указала М. П. Илюшенко, выделив наряду с прочими его культурную функцию, в которой документ

¹⁵ Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. Bloomington and Indianapolis, 2017. P. 97-106.

выступает как средство фиксации и трансляции культурной традиции¹⁶.

Работы В. П. Козлова нацелены на выявление социокультурной роли археографии¹⁷. По мнению автора, документальная публикация всегда является ответом на определенный общественный запрос и выполняет коммуникативную роль – доведение до общественного сознания исторического источника, его актуализацию. Информационное сопровождение документа (заголовок, предисловие, комментарии, примечания и др.) призвано усилить его коммуникативную роль, максимально адаптировать его к пользователю.

Признание археографии особым социокультурным феноменом отстаивает в своем исследовании И. И. Глебова¹⁸. Автор аккумулирует теоретические разработки отечественных археографов (С. О. Шмидта, Г. И. Королева, Е. М. Добрушкина, В. П. Козлова и др.), рассматривающих археографическую практику как составляющую культурной деятельности, а публикацию – как средство включения документального наследия в современную культуру и сохранения исторической памяти социума.

Работы В. П. Козлова и И. И. Глебовой способствуют пониманию археографической деятельности как

¹⁶ Илюшенко М. П. К вопросу о функциях документов // Советские архивы. 1973. № 5. С. 10–17.

¹⁷ Козлов В. П. Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. 2001. № 1. С. 10–33; Его же: Теоретические основы археографии. Б. м., б. г. // Родная история. [Электронный ресурс]. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/arxeografiya/teoreticheskie-osnovi-arxeografii.html> (дата обращения: 11.05.2020).

¹⁸ Глебова И. И. Освоение прошлого как научно-информационная задача // Теория и практика общественно-научной информации. 2005. Вып. 19. С. 54–87.

памятникоохранной – актуализирующей документальное наследие.

Таким образом, в современной отечественной историографии сложилась традиция понимания археографической практики как культурной деятельности, направленной на сохранение документального наследия путем его актуализации. Вместе с тем, как отмечает И. И. Глебова, наметившийся подход еще не оформился в самостоятельное теоретическое направление¹⁹, оставляя широкие эвристические возможности.

Историографический анализ показал отсутствие фундаментальных трудов по истории функционирования ОИДР и неразработанность проблем изучения его деятельности в культурологическом контексте. Таким образом, состояние историографии в области изучаемой проблематики определило цель исследования – комплексный (структурно-функциональный) анализ культурной деятельности Общества истории и древностей российских. Путь к достижению намеченной цели лежит через решение следующих задач:

- изучить историю создания ОИДР и проанализировать процесс его эволюции, выделив его основные этапы;
- выявить и проанализировать направления памятникоохранной деятельности ОИДР;
- рассмотреть и проанализировать направления научно-исследовательской деятельности ОИДР.

Источниковая база исследования включает в себя целый комплекс письменных источников различных видов: нормативные документы, делопроизводственные материалы, справочную литературу и периодические издания.

¹⁹ Глебова И. И. Указ. соч. С. 54.

Нормативные документы – группа источников законодательного характера, объединяющая уставы ОИДР и нормативные документы современной эпохи.

Уставы ОИДР – важнейшие репрезентативные источники. Изучение их как регламентирующих практику документов способствует анализу многофункциональной деятельности Общества и его сложной структуры как социального объекта. Первый устав был утвержден в 1811 г. в результате реорганизации ОИДР попечителем Московского учебного округа гр. Голенищевым-Кутузовым²⁰. С внесенными в него в 1816 г. небольшими поправками он функционировал до принятия нового устава в 1893 г., зафиксировавшего в практике ОИДР сложившиеся тенденции²¹. Тексты уставов опубликованы в периодических изданиях ОИДР.

Нормативные документы современной эпохи – один из источников формирования терминологического аппарата исследования. Так, статья 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» содержит дефиниции «культурная деятельность» и «культурные ценности»²² – ключевые для структурирования социокультурных процессов. Концептуально важную дефиницию «документ» использует

²⁰ Устав Общества истории и древностей российских, высочайше одобренный января 21-го дня 1811 года // Записки и труды Общества истории и древностей российских, учр. при Имп. моск. ун-те (далее – ЗТОИДР). 1815. Ч. 1. С. I-XXIV.

²¹ Устав Императорского общества истории и древностей российских, состоящего при Императорском московском университете // Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те (далее – ЧОИДР). 1893. Кн. 1. С. 1-8.

²² Основы законодательства Российской Федерации о культуре (с изменениями и дополнениями): закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-1. Б. м., б. г. // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/104540/5ac206a89ea76855804609cd950fcdf7/> (дата обращения: 07.05.2020).

инструкция «Общие руководящие принципы сохранения документального наследия», принятая ЮНЕСКО в 2002 г.²³

К материалам делопроизводства относятся протоколы заседаний ОИДР – документы, фиксировавшие данные о процессе его функционирования. Протоколы наиболее рельефно отразили дискуссионную форму деятельности Общества. Полный перечень опубликованных в изданиях ОИДР протоколов находится в библиографическом указателе А. С. Белокурова²⁴.

Справочная литература исследования представлена библиографическими указателями, библиотечными каталогами и описанием рукописной коллекции ОИДР.

Наиболее репрезентативные данные о периодике Общества содержит последний из указателей А. С. Белокурова (1916). В предисловии к своему труду автор отметил общий недостаток указателей А. Гриневича, П. И. Бартенева и И. Е. Забелина: библиография публикаций расположена в них «в порядке появления их на свет», что для научного поиска является неудобным. Белокуров предложил альтернативную «систему» библиографии: в его указателе «статьи распределены... не по времени своего выхода, а по своему содержанию, по времени, к которому они относятся»²⁵. Библиографический указатель Белокурова – незаменимое пособие при изучении археографической и научно-исследовательской деятельности ОИДР.

²³ Память мира. Общие руководящие принципы сохранения документального наследия (пересмотренное издание 2002 г.) / Подг. Реем Эдмондсоном. Париж, 2002.

²⁴ Белокуров С. А. Указатель ко всем периодическим изданиям Императорского общества истории и древностей российских при Имп. моск. ун-те по 1915 г. // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. С. 236–237.

²⁵ Там же. С. III.

Библиотечные каталоги и описание рукописной коллекции ОИДР – ценные источники для формирования представления о составе рукописно-книжных коллекций Общества.

Библиотечный каталог ОИДР выходил дважды: первый выпуск издан П. М. Строевым²⁶, второй подготовлен Е. И. Соколовым²⁷. Каталогные записи обоих выпусков содержат сведения об отечественных и иностранных манускриптах и книгах XIV–XIX вв., поступивших в библиотеку ОИДР до 1902 г.

В середине прошлого века сотрудниками Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне – ОР РГБ) было составлено описание рукописной коллекции ОИДР²⁸. Описание коллекции вышло небольшим тиражом и доступно для изучения в РГБ.

Периодические издания – самая репрезентативная группа источников в контексте исследуемой проблематики.

Корпус повременных изданий ОИДР, ставший основной источниковой базой исследования, формировался более столетия. В 1815 г. начался выпуск «Русских достопамятностей» (1815, 1843–1844)²⁹ и «Записок и трудов» (1815, 1824). Последние дважды меняли свое название – на «Труды и записки» (1826) и «Труды и летописи» (1827–1837)³⁰. С 1837 по 1844 г. издавался «Русский исторический сборник»³¹, а с 1846 г. стали выходить знаменитые «Чтения». В перерыве –

²⁶ Строев П. М. Библиотека Императорского общества истории и древностей российских. М., 1845.

²⁷ Соколов Е. И. Библиотека Императорского общества истории и древностей российских. Вып. 2. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. вкл. М., 1905.

²⁸ Голубцова Е. И., Ошанина Е. Н. Коллекция Московского общества истории и древностей российских // Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка им. Ленина. М., 1952. Вып. 13. С. 3–29.

²⁹ Русские достопамятности, изд. Обществом истории и древностей российских, учр. при Имп. моск. ун-те (далее – РД): в 3 ч. / М., 1837–1844.

³⁰ Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учр. при Моск. ун-те (далее – ТЛОИДР): в 8 ч. / М., 1815–1837.

когда их выпуск был приостановлен – в течение нескольких лет издавался «Временник» (1849–1857)³².

Центральное место в этом корпусе занимают «Чтения в Обществе истории и древностей российских» – издание, насчитывающее 264 тома³³. Всего повременные издания ОИДР охватывают собой 308 томов, вмещающих свыше 4 тыс. публикаций. Анализ этого массива публикаций с целью структурирования культурной деятельности ОИДР представляет одну из главнейших имплицитных задач исследования.

Повременные издания ОИДР доступны в электронных библиотеках «Руниверс»³⁴, «НЭБ»³⁵, «Google Книги»³⁶ и других.

Таким образом, источниковая база исследования представляет собой целый комплекс письменных источников различных видов, информативные возможности которых вполне достаточны для решения поставленных задач.

Исследование базируется на принципах объективности и историзма: первый ориентирует исследователя на максимальное уменьшение субъективности в историческом познании, второй предполагает изучение явлений в историческом контексте.

Логический инструментарий исследования составляют общенаучные методы: анализ, синтез, абстрагирование в своих

³¹ Русский исторический сборник, изд. Обществом истории и древностей российских (далее – РИС): в 7 т. / Ред. М. П. Погодин. М., 1837–1844.

³² Временник Императорского московского общества истории и древностей российских (далее – ВОИДР): в 25 кн. / М., 1849–1857.

³³ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те: в 264 кн. / М., 1846–1918.

³⁴ Руниверс. [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/> (дата обращения: 18.05.2020).

³⁵ Национальная электронная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusneb.ru/> (дата обращения: 18.05.2020).

³⁶ Google Книги. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/> (дата обращения: 18.05.2020).

разновидностях – дедукции, индукции и идеализации. Этот инструментарий лежит в основе методов исторического исследования.

Базовым методом исследования избран структурно-функциональный анализ, применяемый в рамках системного подхода и направленный на комплексное изучение структуры предмета исследования и его функциональных особенностей. В ходе анализа происходит декомпозиция предмета-системы путем вычленения из него подсистем и их компонентов. «Функция» может пониматься двояко: как отношение компонента к своей подсистеме и как его назначение, в соответствии с которым он вычленен из своей подсистемы.

Структура культурной деятельности ОИДР состоит из двух основных функций – памятникоохранной и научно-исследовательской, в каждой из которых предполагается вычленение ряда функций-направлений. Структурный анализ последних входит в спектр главных задач исследования.

В качестве дополнительного методического инструментария привлечены основные методы исторического исследования – историко-типологический и историко-диахронный.

Типологизация представлена в исследовании двумя характерными случаями ее применения. Во-первых, при начальном анализе предмета исследования выявлены два типа деятельности – памятникоохранная³⁷ и научно-исследовательская. Во-вторых, при классификации различных моделей научных и просветительских обществ XVIII в. предполагается типологизировать их по институциональному

³⁷ Хотя памятникоохранные мероприятия включают в себя и проведение научно-исследовательских работ.

признаку, разделив на три основных типа: государственные, негосударственные и переходные. При этом в обоих случаях типологизация не является строгой, имеет вероятностный характер – основана на преобладании признаков, свойственных определенному типу³⁸.

Метод структурно-диахронного анализа предполагается использовать для периодизации процесса эволюции ОИДР. Выделение качественно отличающихся друг от друга совокупностей исторических событий, образующих исторические ситуации – сюжетные контексты, позволяет этапизировать исторический процесс.

В исследовании также применяются важнейшие специально-исторические методы – историографический и источниковедческий анализ.

Кроме того, поскольку предметом изучения стала культурная деятельность научно-исторического общества, то исследование предполагается проводить на основе междисциплинарного взаимодействия – на стыке истории, культурологии, музееведения и других дисциплин.

Хронологические рамки исследования – 1711–1929 гг. – охватывают период с эпохи петровских преобразований (условно – с момента начала научных контактов Г. В. Лейбница с Петром I) до закрытия ОИДР в 1929 г. Пространственные рамки работы не имеют четких очертаний и могут варьироваться в зависимости от понимания географического контекста функционирования ОИДР. Заседания Общества проходили в Москве, однако его иногородние члены – такие,

³⁸ Например, выделение памятникоохранного типа деятельности основано на преобладании в значительной части предметной области исследования функции «сохранения древностей».

например, как чешский славист П. Й. Шафарик – действовали за пределами Москвы.

Научная новизна исследования определяется следующими новациями:

- оригинальной периодизацией процесса эволюции ОИДР,
- своеобразной концепцией комплексного анализа культурной деятельности ОИДР.

Практическая значимость исследования представлена широким диапазоном возможностей использования результатов работы в области междисциплинарных исследований – как в научной, так и в образовательной деятельности.

В соответствии с задачами исследования структура работы состоит из трех глав. Параграфы выделены путем функционального анализа соответствующей части предметной области исследования. Внутри параграфов материал структурирован с учетом тематического и временного критерия. Помимо глав в структуру входят введение, заключение, список использованных источников и литературы и приложение.

Результаты исследования были апробированы на ежегодных Международных научных конференциях молодых ученых «Путь в науку» (Тверь, ТвГУ, 18.04.2019 и 23.04.2020) и на Международной научно-практической конференции «Совершенствование методологии и организации научных исследований в целях развития общества» (Уфа, 24.03.2020). Опубликованы две статьи, представляющие проблематику второй и третьей главы исследования³⁹.

³⁹ Татаров В. Ю. Издание памятников древнерусской письменности в Обществе истории и древностей российских как способ актуализации средневековой русской культуры // Совершенствование методологии и

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

§ 1. Исторический фон и предпосылки возникновения ОИДР

Общество истории и древностей российских ставило перед собой преимущественно археографические задачи – публикацию полного свода древнерусских летописей, а затем – выявление и публикацию всего корпуса источников российской истории. Необходимость публикации исторических источников была обусловлена не только сугубо научными интересами, но и просветительскими потребностями предшествовавшей эпохи. XVIII в. называют «веком Просвещения» – когда впервые в российской истории государственные и общественные деятели стали целенаправленно прилагать усилия к изучению и сохранению памятников старины. Изучение становления просветительской археографической традиции, в русле которой стало возможным появление специализированных научно-исторических обществ XIX в., способствует прояснению исторического фона и выявлению предпосылок возникновения ОИДР.

В эпоху петровских преобразований деятельность государства привнесла в жизнь российского социума элементы

организации научных исследований в целях развития общества: сб. стат. Междунар. науч.-практич. конф. (24 марта 2020 г.). Уфа, 2020. С. 46-53; Его же. Научно-исследовательская деятельность Общества истории и древностей российских в сфере нематериального культурного наследия // Междунар. науч. конф. молодых учёных ист. фак-та Твер. гос. ун-та «Путь в науку» (23 апреля 2020 г.): мат-лы докл. Тверь, 2020 (в печати).

мобильности, рациональной организации и коллегиальности, характерные для различных научных и добровольных ассоциаций⁴⁰. Первым научным обществом молодой Российской империи стала Петербургская академия наук. Идея ее создания оформилась в результате обмена мнениями между Петром I и немецким философом и математиком Г. В. Лейбницем. Последний находился под влиянием европейского опыта, включающего его собственный: Берлинско-Бранденбургская академия наук, созданная по инициативе Лейбница, Французская академия наук и Лондонское королевское общество функционировали как научные общества⁴¹. Однако на институциональном уровне российская академия отличалась от европейских аналогов. Испытывая особую потребность в обучении госслужащих, Петр I предпочел создать научное учреждение, в составе которого окажутся университет и гимназия, сделав образование наряду с научной деятельностью основной целью Академии наук⁴². Это установило парадигму равного внимания научным и образовательным программам и послужило «ориентиром для будущей деятельности российских научных обществ»⁴³.

Действительный член Академии наук Г. Ф. Миллер (впоследствии – первый официальный историограф России) предложил создать в ее стенах Исторический департамент, который обеспечивал бы источниками академическую работу

⁴⁰ Kaplan V. Op. cit. P. 41.

⁴¹ Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 32–38.

⁴² Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 31–33, 36 // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://ranar.spb.ru/rus/books1/id/272/> (дата обращения: 20.03.19).

⁴³ Kaplan V. Op. cit. P. 45–46.

по составлению научной истории России⁴⁴. Проект Миллера предполагал взаимодействие государственных учреждений и общественности, регламентируя данное сотрудничество через издание специальных указов, предписывающих возврат документов их владельцам. Согласно проекту, департамент должен был обладать определенной степенью автономии для достижения научных и образовательных целей⁴⁵. Академия отложила принятие решения по проекту Миллера, и когда в 1748 г. Исторический департамент наконец был создан, исследовательская свобода возглавляющего его историографа была сильно ограничена надзорными органами Академии наук⁴⁶.

Деятельность академии, направленная на развитие исторической науки, в целом способствовала повышению интереса к отечественным древностям. В результате на периферии российского государства возникло первое историческое общество: в 1759 г. Василий Крестинин, Александр Фомин, Александр Свешников, Василий Нарышкин и Никифор Зыков учредили Вольное историческое для архангелогородских древностей собрание, имевшее целью собирание исторических документов с дальнейшей передачей их в Петербургскую академию наук⁴⁷. Общество просуществовало недолго: в своих начинаниях его члены не получили поддержки ни со стороны магистрата, ни у

⁴⁴ Миллер предложил всеобъемлющую таксономию источников в десяти способах, «по которым историю о Российской империи сочинять надлежит». См. подробнее: Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 357–358.

⁴⁵ Там же. С. 359–360, 362.

⁴⁶ Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 346–347.

⁴⁷ Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 247; Хартанович М. Ф. Научные общества России // Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66. № 12. С. 1120.

губернатора: они не смогли его убедить предоставить им доступ к местному архиву. Их деятельность вызвала настороженность у горожан, поэтому уже в 1768 г. Архангелогородское историческое клеветство прекратило свое существование⁴⁸. Подозрения и враждебность, вызванные этой частной инициативой, продемонстрировали, что для утверждения нового социального института в автократическом государстве необходимо покровительство высшей государственной власти.

Первый опыт возникновения неправительственного добровольного объединения, пользующегося поддержкой государственной власти, обнаруживается в создании в 1765 г. Вольного экономического общества (далее – ВЭО) в Петербурге⁴⁹. Его устав «отрешал» между членами какие-либо споры о рангах и старшинстве и устанавливал относительно равноправный порядок вступления в Общество⁵⁰. Возникновение ВЭО исследователи связывают с деятельностью Екатерины II по составлению и написанию «Наказа» – инструкции для законодательной комиссии, в которой императрица представила свою концепцию гражданского общества. Согласно данной концепции, добровольные объединения рассматриваются «как строительные блоки для построения новой социальной сферы – места, в котором может быть реализован союз граждан и государства»⁵¹. Будучи первым добровольным объединением, разработавшим правила своего функционирования и установившим регламент приема в

⁴⁸ Хартанович М. Ф. Указ. соч. С. 1121.

⁴⁹ Ходнев А. И. История Императорского вольного экономического общества. СПб., 1865. С. 10–12.

⁵⁰ Там же. С. 4–6.

⁵¹ Kaplan V. Op. cit. P. 55.

члены ассоциации, ВЭО стало краеугольным камнем российской публичной сферы XVIII в.⁵²

Появление ВЭО послужило прецедентом для возникновения организаций подобного типа. Спустя несколько лет, в 1771 году при Московском университете создается Вольное российское собрание (далее – ВРС), основной целью которого было исправление и обогащение русского языка, а вернейшим средством для достижения поставленной цели – издание сочинений и переводов, прозаических и поэтических, и составление словаря. Его «Объявление для любителей русского языка» особе внимание уделяло работе с историческими документами, которые следует издавать «для удовольствия общенародного» и приведения в совершенство российской истории⁵³. Вольное российское собрание задумывалось как общество историко-филологическое. Как и создатели Архангелогородского исторического клевретства, организаторы ВРС ставили перед собой в основном археографические задачи – сбор и публикацию исторических документов. В период своей деятельности ВРС издало шесть томов журнала «Опыт трудов Вольного российского собрания при Императорском московском университете». В результате участия в этом проекте Миллера значительная часть «Опыта трудов» содержала исторические документы⁵⁴.

Ряд добровольных объединений литераторов, не инициированных государственной властью, деятельность которых осуществлялась без ее организационной и финансовой

⁵² Ibid. P. 57.

⁵³ Сухомлинов М. И. История российской академии. СПб., 1874. Вып. 1. С. 9–10.

⁵⁴ Степанский А. Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 206–207; Ключевский В. О. Указ. соч. М., 1983. С. 192.

поддержки появляется в 1770–1780-х гг. В этот же период просветитель Н. И. Новиков начинает издавать «Древнюю российскую вифлиофику» – периодическое издание, преследующее двоякую цель: вместе с публикацией исторических документов дать нравственно-полезное чтение обществу⁵⁵. В его издательско-просветительской деятельности ему оказывали содействие историографы Г. Ф. Миллер и М. М. Щербатов. Миллер передал Новикову большое количество документов из Московского архива Коллегии иностранных дел. Ему также удалось получить исторические документы из частных архивов⁵⁶. Таким образом, в процессе своей издательской деятельности Н. И. Новиков частично реализовал раннюю идею Миллера о сотрудничестве между историографом (в данном случае – издателем-просветителем) и широкой общественностью – в своем специфическом смысле⁵⁷.

В 1777 г. Новиков создает «Общество старающееся о спомоществовании заведению училищ» (Общество по созданию школ), издававшее журнал «Утренний свет» и собиравшее средства на открытие школ для бедных детей и детей-сирот и различные благотворительные нужды. Среди ведущих авторов журнала был М. Н. Муравьев – впоследствии попечитель Московского университета, сыгравший ключевую роль в создании ОИДР⁵⁸.

⁵⁵ Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916. С. 133.

⁵⁶ Моисеева Г. Н. Археографическая деятельность Н. И. Новикова // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени / Ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1976. С. 30–33.

⁵⁷ Kaplan V. Op. cit. P. 63.

⁵⁸ Сагалакова Г. А. Самосознание сообщества российских мартинистов и розенкрейцеров в отечественной культуре последней четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2004 // Человек и Наука. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/samosoznanie-soobshchestva-rossiyskih-martinistov-i-rozenkrejtserov-v-otechestvennoy-kulture-posledney-chetverti-xviii-v> (дата обращения: 21.03.19).

Путем объединения различных моделей добровольных ассоциаций (научного общества, сотрудничающего с государственным учреждением, и кружка образованных частных лиц) Новиков создал «прототип образовательного общества, который позднее в науке и практике начала XX в. был определен как культурно-просветительский»⁵⁹. Появление Общества по созданию школ было первым опытом создания ассоциаций подобного типа, на смену ему пришло Дружеское ученое общество (далее – ДУО), открывшееся в Москве в 1782 г.

Дружеское ученое общество образовалось из масонского кружка, в котором ведущие роли играли профессор Московского университета И. Г. Шварц и издатель Н. И. Новиков⁶⁰. Главной задачей ДУО была публикация переводных книг и учебников. Расширение издательской деятельности привело в 1784 г. к образованию специальной Типографской компании, которую возглавил Новиков⁶¹. В 1788–1791 гг. Типографская компания выпустила второе издание «Древней русской виблиофики», стимулировавшее растущий интерес к национальному прошлому и способствовавшее формированию моды на коллекционирование исторических документов, популярное у образованной элиты конца XVIII в.⁶²

Коллекционеры древностей во главе с графом А. И. Мусиным-Пушкиным в 1784–1786 гг. объединились в кружок

⁵⁹ Kaplan V. Op. cit. P. 70.

⁶⁰ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т. 3: Национализм и европеизм. С. 358–360.

⁶¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры... М., 1995. С. 360; Боголюбов В. Указ. соч. С. 332.

⁶² Бутырская И. Г. Начало формирования исторической науки в России при Петре I и Екатерине II // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 17–3. С. 13; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб., 2008. С. 241.

«Любителей отечественной истории», теоретической базой которого стали взгляды историка В. Н. Татищева⁶³. Известно, что начальник Московского архива Коллегии иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменский и его преемник А. Ф. Малиновский, присоединившиеся к кружку в 1797 г., входили ранее в окружение Новикова⁶⁴. Впоследствии оба вместе графом Мусиным-Пушкиным и Н. М. Карамзиным стали почетными членами ОИДР, а его председателем был избран профессор истории и с 1803 г. ректор Московского университета Х. А. Чеботарев⁶⁵. Как отметил В. О. Ключевский, Чеботарев и другие первые члены Общества истории и древностей российских «входили прежде в состав Вольного российского собрания и Дружеского ученого общества и принесли с собой направление и взгляды новиковского кружка»⁶⁶.

Таким образом, процессы, протекавшие в научной и культурной жизни российского социума, к началу XIX в. сформировали модель некоего научного общества, основные черты которого постоянно проявлялись в структуре и практике различных государственных и частных объединений.

В результате петровских и екатерининских реформ складывается ряд предпосылок, подготовивших почву для появления специализированных научно-исторических обществ XIX в.:

– парадигма равного внимания научным и образовательным программам, установленная Петербургской академией наук, стала ориентиром для деятельности научных обществ России следующего столетия;

⁶³ Вяткин В. В. Алексей Иванович Мусин-Пушкин // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 22.

⁶⁴ Моисеева Г. Н. Указ. соч. С. 36.

⁶⁵ Попов Н. А. Указ. соч. С. 12.

⁶⁶ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 192–193.

- следствием организационной и издательской деятельности Н. И. Новикова стало появление «культурно-просветительского» типа образовательного общества, в практике которого осуществлялось взаимодействие научных кругов и публичной сферы;

- неудачный опыт становления первого добровольного научно-исторического общества продемонстрировал, что для утверждения нового социального института необходимо покровительство высшей государственной власти:

- археографическая деятельность историков и просветителей XVIII в. стимулировала растущий интерес к национальному прошлому и способствовала формированию моды на коллекционирование исторических документов, что создало почву для возникновения специализированных научно-исторических обществ XIX в.

Созданное в 1804 году Общество истории и древностей российских было уже специализированным научно-историческим обществом, вобравшим в себя все институциональные и структурные элементы предшественников. Получив «пункт прикрепления»⁶⁷ в Московском университете и имея в составе профессоров и преподавателей, в своей практике оно сочетало научные и образовательные цели, следуя парадигме, установленной при создании Академии наук. Попечитель Московского университета М. Н. Муравьев, сыгравший ключевую роль в создании ОИДР, в своей попытке связать научные круги с публичной сферой стремился окружить университет научными обществами⁶⁸, осуществляя культурно-просветительскую

⁶⁷ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 193.

⁶⁸ Шевырев С. П. История Императорского московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской

миссию. Будучи добровольным объединением с археографическими задачами, ОИДР стало отдаленным преемником Архангелогородского исторического клевретства, в отличие от последнего обладая санкцией высшей государственной власти на свою деятельность.

Таким образом, анализируя культурно-исторический фон возникновения Общества истории и древностей российских, можно констатировать, что эта научно-историческая ассоциация появилась в результате социокультурных изменений, инициированных петровскими и екатерининскими реформами, возникла из просветительных потребностей эпохи и археографических устремлений, давно проявлявшихся в различных формах.

§ 2. Создание и начальный этап деятельности ОИДР

Общество истории и древностей российских было создано в ходе масштабной образовательной реформы, предпринятой в начале правления императора Александра I. Непосредственному появлению ОИДР, первое заседание которого состоялось в марте 1804 года, сопутствовал ряд обстоятельств.

В сентябре 1802 г. императорским манифестом были учреждены восемь министерств, одним из которых стало Министерство народного просвещения. Министром был назначен граф П. В. Завадовский, а его заместителем (товарищем министра) и по совместительству попечителем

словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. М., 1855. С. 349.

Московского университета – М. Н. Муравьев⁶⁹. Последний играл важную роль в проводимых преобразованиях. Его просветительские взгляды нашли отражение в «Предварительных правилах народного просвещения» (от 24 января 1803 г.) и в трех проектах Устава Московского университета, два из которых обсуждались в течение 1804 г.⁷⁰ В результате обсуждений 5 ноября был принят Устав Московского университета, 11-й параграф которого гласил: «К особливому достоинству университета отнесется составление в недре оного ученых обществ, как упражняющихся в словесности российской и древней, так и занимающихся распространением наук опытных и точных, основанных на достоверных началах»⁷¹. Текст этого параграфа иллюстрирует просветительское желание попечителя «окружить университет учеными обществами». Муравьев стремился связать научные круги с публичной сферой и стимулировать научную деятельность профессорско-преподавательского состава⁷².

По свидетельствам современников, М. Н. Муравьев обладал широкой эрудицией и знанием древних языков. Он сформировал собственные взгляды на историю вообще и на российскую историю в частности и, будучи с 1785 г. наставником великих князей Александра (будущего императора) и Константина, изложил их в ряде наставлений-очерков под общим названием «Письма к молодому человеку». В своих дневниковых записях он высказал мысль об изучении

⁶⁹ Попов Н. А. Указ. соч. С. 2.

⁷⁰ Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 53.

⁷¹ Университетский устав (5 ноября 1804). Б. м., б. г. // Летопись Московского университета. [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (дата обращения: 07.05.2019).

⁷² Шевырев. Указ. соч. С. 349.

древностей российских в контексте с древностями всемирными⁷³. Неудивительно, что он сыграл одну из ключевых ролей в создании ОИДР, основной задачей которого было критическое исследование древнерусских летописей⁷⁴.

Поводом к созданию ОИДР послужило письмо профессора Геттингенского университета А. Л. Шлецера к графу Н. П. Румянцеву, в котором он выразил желание сотрудничать с российскими учеными в критическом издании древнерусских летописей. Немецкий ученый начинал свою научную карьеру в России, но в 1767 г. покинул страну, вернувшись на родину. В Геттингене он продолжал изучать русские летописи и преподавал российскую историю в университете. В 1802 г. он опубликовал свой *magnum opus* – первую и вторую часть магистерского перевода и критического анализа Первоначальной летописи⁷⁵. Когда сочинение достигло России и экземпляр, представленный российскому монарху, напомнил о прежних заслугах немецкого ученого перед российской наукой, тогда Александр послал ему свой рескрипт, в котором сообщал, что издание ПВЛ приобрело геттингенскому профессору «новые права на благодарность русской публики». В результате переписки Шлецер получил почетную награду – орден св. Владимира 4-й степени, и связанное с его статутом дворянское звание для своих потомков. В ответном письме к графу Румянцеву, ссылаясь на приобретенные им исторические и знания опыт, немецкий ученый выразил желание оказать содействие российским ученым, чтобы в первые годы

⁷³ Попов Н. А. Указ. соч. С. 8–9.

⁷⁴ Сивков К. В. Указ. соч. С. 573.

⁷⁵ Kaplan V. *Op. cit.* P. 98.

правления Александра I составилось полное издание летописей российского государства⁷⁶.

Министр народного просвещения граф П. В. Завадовский доложил императору, что геттингенский профессор Шлецер имеет желание «соучаствовать с российскими учеными в критическом издании древних русских летописей». Александр поручил министру составить для этой цели историческое общество «при одном из ученых сословий», а граф Завадовский назначил Муравьева для выполнения этой задачи⁷⁷.

В современной историографии встречается точка зрения, согласно которой существуют две альтернативные истории возникновения ОИДР⁷⁸. Первая представлена С. П. Шевыревым в его монументальном труде «История Императорского Московского университета», написанном к столетнему юбилею университета. Шевырев отводит ключевую роль в создании ОИДР попечителю университета М. Н. Муравьеву и называет его основателем научных обществ, возникших при университете⁷⁹. Вторая принадлежит Н. А. Попову – автору монографии о периоде становления ОИДР, посвященной 80-летнему юбилею Общества. Попов приписал инициативу создания ОИДР геттингенскому профессору Шлецеру.

Однако различные сюжеты из сочинений Шевырева и Попова не стоит интерпретировать как две альтернативные по отношению друг к другу истории возникновения ОИДР. Если Шевырев не упоминает об инициативе Шлецера (что вполне объяснимо, поскольку его труд посвящен истории университета, а не истории одного из научных обществ), то

⁷⁶ Попов Н. А. Указ. соч. С. 2–3.

⁷⁷ История общества и дневные записки его заседаний // ЗТОИДР. 1815. Ч. 1. С. XXXVI.

⁷⁸ Kaplan V. Op. cit. P. 97–99.

⁷⁹ Шевырев. С. П. Указ. соч. с. 349.

Попов стремится рассмотреть начальную историю учреждения с разных ракурсов, подробно освещая не только участие Шлецера, но и роль других лиц (в том числе и попечителя университета Муравьева) в основании ОИДР. Он отмечает, что Муравьев поддерживал идею Шлецера о создании исторического общества: с одной стороны, «она вполне отвечала его сочувственному расположению к историческим занятиям, с другой – совершенно совпадала с его заботами об успешном развитии университетской деятельности»⁸⁰. Следовательно, Попов представил не «другой вариант» истории ОИДР, а дополнил и расширил краткое сообщение Шевырева, расставив акценты согласно участию тех или иных лиц в создании этого учреждения. Анализируя сведения, полученные из источников, собранных и опубликованных Поповым, можно вполне согласиться с утвердившимся в современной историографии мнением, что «Общество истории и древностей российских возникло... по инициативе А. Л. Шлецера и при содействии попечителя Московского университета М. Н. Муравьева»⁸¹.

Благодаря стараниям Муравьева 18 марта 1804 г. состоялось первое «совещательное» заседание ОИДР. Согласно протоколу заседания, научное общество при Московском университете «открыто... для критического издания российских летописей». В заседании участвовали: председатель Общества и ректор университета Х. А. Чеботарев, почетные члены граф А. И. Мусин-Пушкин – коллекционер древних рукописей, и Н. М. Карамзин – третий историограф России, ординарные члены и профессора университета П. И.

⁸⁰ Попов Н. А. Указ. соч. С. 10.

⁸¹ Шахназарова М. Г. Указ. соч. С. 135.

Страхов, П. А. Сохацкий, М. М. Снегирев и Н. Е. Черепанов⁸². В числе почетных членов ОИДР, но отсутствовавших на заседании, оказались геттингенский профессор А. Л. Шлецер, глава Московского архива Коллегии иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменский и его помощник А. Ф. Малиновский⁸³.

Среди почетных членов ОИДР некоторые не принадлежали «непосредственно к университетскому сословию», вместе с тем они считались «наибольшими знатоками древнерусской истории»⁸⁴. Таким образом, Общество изначально признало, что «быть историком» можно двумя способами: в виде профессионального ученого, чей статус возник в результате официально полученного образования, и в виде знатока-любителя, формально не имевшего исторического образования, но получившего опыт в области исторического познания⁸⁵.

В результате обсуждения на первом заседании программных положений ОИДР было решено:

1. Приступить к критическому, «то есть всевозможно точному и исправному изданию российских летописей, с приобщением необходимых замечаний, дабы все сие служить могло верным источником и материей к сочинению подлинной российской истории».

2. Первым изданием назначить Первоначальную летопись (Несторов летописец) и установить порядок подготовки ее к публикации. Взяв за основание древнейший из манускриптов, печатать по листу в университетской типографии «на половине страницы редкими строками» и посылать поочередно членам

⁸² Цит. по: Попов Н. А. Указ. соч. С. 69.

⁸³ Попов Н. А. Указ. соч. С. 12

⁸⁴ Там же. С. 13.

⁸⁵ Kaplan V. Op. cit. P. 100.

Общества со всеми рукописями для сравнения и критических примечаний. В назначенный день на заседании Общества утвердить самый лучший и верный вариант текста с необходимыми примечаниями о разночтениях и отправить его на публикацию.

3. Поручить членам ОИДР перевод всех мест из сочинений древних историков, относящихся к славянским народам⁸⁶.

Совместно с Советом университета в июне 1805 г. ОИДР объявило о конкурсном задании. Был предложен следующий вопрос: согласно Первоначальной летописи, славяне, населившие Россию, пришли с берегов Дуная из Болгарии и Угорской земли, будучи вытеснены оттуда волохами. Когда такое переселение могло произойти и кого Нестор называет волохами: римлян, лангобардов, болгар или действительных волохов?⁸⁷ Объявляя результаты конкурса, ОИДР опубликовало рецензию на представленные эссе, в которой особое внимание уделялось методике и аргументации каждого автора. Рецензентом выступил М. Т. Каченовский, впоследствии известный как основатель «скептической школы» в российской историографии⁸⁸. Победителем конкурса стал член ОИДР, сын геттингенского профессора – Х. А. Щлецер. Поскольку предварительным условием участия в конкурсе было положение о том, что члены Общества исключаются из соревнования, он не получил положенной награды. Тем не менее члены университетского Совета с уважением отнеслись к его труду и приняли решение напечатать его в университетской типографии⁸⁹.

⁸⁶ Цит. по: Попов Н. А. Указ. соч. С. 69–70.

⁸⁷ Попов Н. А. Указ. соч. С. 77–82.

⁸⁸ Kaplan V. Op. cit. P. 101.

⁸⁹ Попов Н. А. Указ. соч. С. 51.

Из Петербургской академии наук попечителем университета М. Н. Муравьевым был доставлен Кенигсбергский летописный список (или Раздзивилловская летопись). Кроме того, в ОИДР поступило еще два списка Первоначальной летописи: Троицкий и древнейший манускрипт из коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина – Лаврентьевская летопись, именуемая в то время Пушкинским списком. Работу выполняли Х. А. Чеботарев и Н. Е. Черепанов. В основу издания они положили «тщательное воспроизведение Лаврентьевской летописи» и одновременно с этим указали все разночтения двух текстуально ближайших к ней старейших списков – Троицкого и Радзивилловского⁹⁰. В силу различных причин (главным образом – организационных) работа продвигалась крайне медленно: за период с 1804 по 1810 г. было напечатано всего 10 печатных листов (80 страниц)⁹¹.

Новый попечитель Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов обратил свое внимание на «недеятельность» ОИДР и признал его работу неудовлетворительной. В ходе переписки с министром народного просвещения графом А. К. Разумовским он добился реорганизации Общества. 14 декабря 1810 г. Кутузов провел чрезвычайное заседание ОИДР, объявив о закрытии Общества и учреждении вместо него другого, в руководство которому необходимо «начертать правила для успешнейшего хода дел»⁹².

По предложению П. И. Голенищева-Кутузова 22 декабря 1810 г. новым председателем ОИДР был избран почетный член Московского университета П. П. Бекетов, а секретарем

⁹⁰ Там же. С. 49; Приселков М. Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 12.

⁹¹ Попов Н. А. Указ. соч. С. 49, 54.

⁹² Там же. С. 84–85, 89–90.

Общества – секретарь университетского Совета И. А. Двигубский, сменивший на этой должности П. А. Сохацкого. На заседании был принят проект Устава ОИДР, получивший 21 января 1811 г. «Высочайшее одобрение» и утвержденный министром народного просвещения графом А. К. Разумовским⁹³.

Устав ОИДР (1811 г.) разделен на 9 глав или 64 параграфа⁹⁴. Параграфы первой главы содержат формулировки основных направлений памятникоохранной и научно-исследовательской и деятельности ОИДР: «Главнейшие упражнения сего Общества будут состоять в критическом разборе древних русских летописей, в сличении их списков... в исправлении погрешностей, вкравшихся в них по нерадению, невежеству или затейливости переписчиков...», а после редактирования – в «скорейшем и вернейшем их издании» (§ 2). «Общество постарается собирать древние рукописи, медали, монеты и другие памятники, служащие к объяснению разных происшествий русской истории...» (§ 3). Целью ОИДР является приведение в ясность российской истории, с чем связано обязательство «обнародовать замечания свои на всякие нелепые сочинения, до российской истории касающиеся» (§ 5).

Вторая глава посвящена структуре ОИДР и условиям вступления в него. «Общество состоит из членов, благотворителей, соревнователей и корреспондентов» (§ 8). Для вступления в Общество на правах члена необходимо: «1) быть известну в ученом свете сочинениями, или отличными сведениями в российской истории и древностях; 2) известну

⁹³ История Общества и дневные записки его заседаний // ЗТОИДР. 1815. Ч. 1. С. XXXVIII–XXXIX.

⁹⁴ Устав Общества истории и древностей российских, высочайше одобренный января 21-го дня 1811 года // ЗТОИДР. 1815. Ч. 1. С. I–XXIV.

быть... по жизни нерассеянной, дающей время и возможность быть деятельным членом Общества...» (§ 9). «Каждый член должен принять на себя труд по какой-либо части по своему произволению, но назначить срок... в который представит Обществу то, что предпринял сочинить...» (§ 10). Число действительных членов Общества ограничено тридцатью (§ 18).

Статусы благотворителей, соревнователей и корреспондентов определены в шестой и седьмой главах. Описание их прав и обязанностей выявляет сложную структуру ОИДР, свидетельствующую о социальной инклюзивности данной ассоциации. Так, введение категории «соревнователей» показывает, что членство в ОИДР открыто не только для профессиональных историков, но и для «любителей» истории⁹⁵.

Согласно принятому уставу, ОИДР поставило себе целью завершить «издание древнейшего русского летописца Нестора» (§ 2). Его издание по Пушкинскому списку было поручено Р. Ф. Тимковскому и М. Т. Каченовскому⁹⁶. Тимковский «с точностью передавал чтение подлинника, объясняя и исправляя его от ошибок переписчика посредством вариантов». По оценке современников, Тимковский «оставил образец настоящего критического издания летописей». В течение 1811–1812 гг. он успел напечатать только 13 листов⁹⁷. Кроме того, члены ОИДР предприняли различные проекты, среди которых стоит отметить проект Каченовского: ему было поручено собрать сведения о летописях и хронографах, хранящихся в духовных консисториях по всей России⁹⁸.

⁹⁵ Kaplan V. Op. cit. P. 102.

⁹⁶ Попов Н. А. Указ. соч. С. 226.

⁹⁷ Поленов Д. В. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб., 1850. С. 105.

⁹⁸ Попов Н. А. Указ. соч. С. 231–233.

На торжественном заседании 13 марта 1812 г. ОИДР объявило два конкурсных задания: о географическом положении русских городов, упоминаемых в древних рукописях, и о происхождении «славянского языка», на котором «писан, принятый русскими перевод Библии, летописи их и церковные отцы, ими переведенные»⁹⁹.

Последняя глава устава предписывает ОИДР «ежегодно издавать по одной книге актов», состоящих из прочитанных докладов и «всех происшествий, до Общества касающихся, с описаниями заседаний» (§ 62); и «особый журнал» для публикации памятников древности (§ 64). Так появились «Записки и труды Общества» и «Русские достопамятности» – два периодических издания, подготовленных к выпуску в 1812 г., но увидевших свет лишь спустя три года¹⁰⁰.

Нашествие французов надолго приостановило деятельность Общества и нанесло ему сильнейший урон: в огне пожара погибли архив ОИДР и его коллекции (в том числе Троицкий летописный список), труды Х. А. Чеботарева по изданию Первоначальной летописи полностью истребились.

Таким образом, Общество истории и древностей российских, созданное по инициативе А. Л. Щлецера и при содействии М. Н. Муравьева для критического издания древнерусских летописей, на раннем этапе своей деятельности целиком сосредоточилось на издании Первоначальной летописи. Вследствие вынужденной структурной реорганизации и привлечения новых сил ОИДР скорректировало цель своей деятельности (приведение в ясность российской истории) и ее организационное начало

⁹⁹ Цит. по: Попов Н. А. Указ. соч. С. 238–239.

¹⁰⁰ Попов Н. А. Указ. соч. С. 203–204.

(принятие устава). Однако вторжение французской армии на территорию России и события Отечественной войны 1812 г. на несколько лет прервали деятельность ОИДР.

§ 3. Этапы эволюции ОИДР

Общество истории и древностей российских – единственное научно-историческое общество XIX в., преодолевшее столетний рубеж почти непрерывного существования (1804–1929). Из кружка университетских преподавателей и любителей отечественных древностей оно эволюционировало в крупнейшую научную ассоциацию России, объединявшую на рубеже XIX–XX вв. лучших представителей исторической науки. Процесс эволюции ОИДР можно разделить на несколько этапов: начальный (1804–1812), «археографический» (1815–1837), «императорский» (1837–1893), «профессиональный» (1893–1918) и заключительный (1918–1929). Названия и хронологические рамки этих этапов достаточно условны и выполняют техническую функцию, отражая смыслы основных сюжетов истории ОИДР. Определение нижней границы начального этапа обусловлено совокупностью исторических фактов, таких как гибель архива ОИДР при пожаре, отсутствие издательской формы деятельности Общества до 1815 г. и трехлетний перерыв в его работе из-за нашествия французов.

Заседания ОИДР возобновились в 1815 г. под председательством П. П. Бекетова. На первом заседании, состоявшемся 9 февраля, было принято решение продолжить издание Первоначальной летописи. Поскольку копия

Лаврентьевского списка, по которой печатался текст, сгорела в 1812 г., решено ходатайствовать о присылке из Публичной библиотеки оригинала летописного списка, переданного туда графом А. И. Мусиным-Пушкиным. Однако от министра народного просвещения графа А. К. Разумовского поступил отказ с пометкой, что Лаврентьевский список уже печатается «при самой библиотеке» и, вероятно, будет издан в начале следующего года. Поэтому на заседании от 4 сентября было решено издать 13 листов Лаврентьевской летописи, подготовленных профессором Р. Ф. Тимковским, «в таком виде, как они есть, с прописанием причин, почему оное издание не может быть продолжаемо...». Этот отказ на несколько лет фактически парализовал деятельность ОИДР¹⁰¹.

Незначительные поправки к уставу ОИДР были сделаны в 1816 г. В частности, в первой главе в словах «замечания на всякие нелепые сочинения» слово «нелепые» было опущено (§ 5); члены Общества стали именоваться «действительными» (§ 8) и в его структуре вновь появились «члены почетные» (§ 8 и 40), существовавшие до принятия устава в 1811 г.¹⁰²

Между тем «парализованное» ОИДР в 1816–1817 и в 1820–1821 гг. проводило заседания, на которых рассматривались вопросы приобретения рукописей, пополнения библиотеки Общества и его нумизматической коллекции; читались доклады по темам, связанным с археологией, нумизматикой,

¹⁰¹ ЗТОИДР. 1824. Ч. 2. С. 14, 21–22; А. В. Майоров, А. Э. Котов. Из истории издания русских летописей: последнее начинание графа Н. П. Румянцева // Русская литература. 2018. № 1. С. 10, 12.

¹⁰² Малето Е. И. В. О. Ключевский и Московское общество истории и древностей российских (По материалам Научного архива ИРИ РАН) // Исследования по источниковедению России (до 1917 г.): сборник статей / Отв. ред. П. И. Зырянов. М., 2004. С. 256–259.

критическим анализом летописания и славяноведением¹⁰³. На заседании от 14 июня 1823 г. ученик Р. Ф. Тимковского и М. Т. Каченовского П. М. Строев представил проект широкомасштабной программы по систематическому выявлению, изучению и изданию древнерусских манускриптов¹⁰⁴. По его замыслу, для достижения цели, намеченной в уставе ОИДР, – приведения в ясность российской истории, вся Россия должна превратиться в одну доступную библиотеку: «Не сотнями известных рукописей мы должны ограничить свои занятия, но бесчисленным множеством их...». Для этого необходимо: 1) извлечь и привести в известность (насколько возможно) все рукописные памятники, находящиеся на европейской территории России, посредством трехчастной археографической экспедиции (по северным, среднерусским и западным губерниям); 2) обнародовать каталоги в «общей росписи», представляющей самое полное описание всех памятников русской истории и литературы; 3) опубликовать «общую систематическую роспись» (собрание летописцев и писателей русской истории, обработанное критически). Однако предложение молодого историка не получило поддержки у членов ОИДР: протокол заседания сохранил уклончивую формулировку: «Предложение сие производить в действо по возможности»¹⁰⁵.

На протяжении «археографического» этапа деятельности ОИДР его председателями были майор в отставке и издатель П.

¹⁰³ Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Общества по изучению истории в Московском университете XIX – начала XX в. // Вестник московского университета. Серия 8. История. 2004. № 2. С. 99.

¹⁰⁴ Речь, говоренная 14-го июня, 1823 года: О средствах удобнейших к открытию памятников отечественной истории и об успешнейшем способе обрабатывать оные // ТЛОИДР. 1828. Ч. 4, кн. 1. С. 277–301.

¹⁰⁵ ТЛОИДР. 1827. Ч. 3, кн. 2. С. 16.

П. Бекетов (до 1823 г.), отставной генерал-майор и литератор А. А. Писарев (1823–1830) и управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновский (1830–1836)¹⁰⁶. В 1825 г. секретарем ОИДР был избран профессор кафедры латинского языка и римских древностей И. М. Снегирев, а в 1833 г. ему на смену пришел адъюнкт российской словесности С. П. Шевырев (до 1837 г.)¹⁰⁷.

В этот период начинается выпуск повременных изданий ОИДР: в 1815 г. вышли «Записки и труды» и «Русские достопамятности», в 1824 г. – «Записки и труды» (2 часть); а в 1826 г. – «Труды и записки» (3 часть, 1 книга), сменившие с 1827 г. название на «Труды и летописи» (3 часть, 2 книга; 4–8 части). Отдельными изданиями вышли Супрасльская летопись¹⁰⁸ и часть Лаврентьевской летописи, подготовленная Тимковским¹⁰⁹.

В дальнейшем главная задача ОИДР – критическое издание летописей – перешла к Археографической комиссии, временно учрежденной по инициативе П. М. Строева и ставшей с 1837 г. «постоянной комиссией для разбора и издания исторического материала вообще»¹¹⁰. Так завершился «археографический» этап эволюции ОИДР.

Благодаря ходатайству графа С. Г. Строганова, избранного председателем ОИДР 22 февраля 1836 г. – просвещенного аристократа, пользующегося правительственным доверием, ОИДР стало ежегодно получать субсидию по 5 тысяч рублей

¹⁰⁶ Там же. С. 11; ТЛОИДР. 1837. Ч. 8. С. 153.

¹⁰⁷ ТЛОИДР. 1827. Ч. 3, кн. 2. С. 112; ТЛОИДР. 1837. Ч. 8. С. 207.

¹⁰⁸ Супрасльская рукопись, содержащая Киевскую и Новгородскую сокращенные летописи / Изд. М. А. Оболенского. М., 1836.

¹⁰⁹ Летопись Несторова, по древнейшему списку мниха Лаврентия / Изд. проф. Тимковского, прерывающееся 1019 годом. М., 1824.

¹¹⁰ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1910. С. 33–36.

ассигнациями «на издание ученых трудов его» и именоваться «императорским» с 29 апреля 1837 г.¹¹¹ С этого момента начинается новый и самый длительный этап в истории ОИДР (1837–1893), который обычно разделяют на несколько подэтапов: годы секретарства и издательской деятельности М. П. Погодина (1837–1844), периоды издательской деятельности и руководства делами ОИДР секретаря О. М. Бодянского (1845–1848 и 1857–1877), десятилетие правления А. Д. Черткова (1848–1857) и период упадка в деятельности ОИДР (1877–1893).

Вместо «Трудов и летописей» в 1837 г. появляется новое повременное издание – «Русский исторический сборник» (далее – РИС), редактируемый секретарем ОИДР М. П. Погодиным. Семь томов РИС последовательно выходили в 1837–1844 гг. Кроме того, в секретарство Погодина вышли 2 и 3 части «Русских достопамятностей» (1843–1844) и отдельным изданием Псковская летопись¹¹², началось печатание многотомного труда Н. С. Арцыбашева «Повествование о России» (1838–1843)¹¹³.

С избранием в 1845 г. секретарем ОИДР выдающегося слависта О. М. Бодянского деятельность Общества перешла на качественно другой уровень. По инициативе нового секретаря с 1846 г. стали выходить «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» – наиболее влиятельное повременное издание ОИДР, выходившее регулярно и с большой частотой. В 1846–

¹¹¹ РИС. 1837. Т. 1, кн. 1. С. 114; кн. 2. С. 127.

¹¹² Псковская летопись, изд. на иждивении Общества истории и древностей российских при Моск. ун-те М. Погодиным. М., 1837.

¹¹³ Протоколы заседаний Общества с 1837 по 1840 г. 1837 года февраля 20 дня // РИС. 1840. Т. 3, кн. 4. С. 399.

1848 г. вышло 23 книги «Чтений», по объему равных почти всем в совокупности предыдущим изданиям ОИДР¹¹⁴.

При Бодянском важнейшим направлением памятникоохранной и научно-исследовательской деятельности Общества стала славистика: тематика славяноведческих публикаций расширилась, охватив памятники славянской письменности, библиографические материалы и переводы исследований зарубежных славистов¹¹⁵. В своих «Замечаниях на устав ОИДР» Бодянский указывал на необходимость «изучать не одних только Великорусов, как это было до сих пор большею частью, но Руских в обширном смысле, т. е. Бело- и Малорусов, как в Царстве Руском, так и за границей»¹¹⁶.

Вследствие конфликта министра народного просвещения графа С. С. Уварова с председателем ОИДР графом С. Г. Строгановым проект нового устава не получил высочайшего утверждения, хотя и был зачитан на одном из заседаний ОИДР¹¹⁷. По прошествии трех лет противостояние двух графов негативно отразилось на судьбе Общества и привело к смене его руководства. В 1847 г. Строганов вынужден был оставить должность попечителя Московского университета, а на следующий год и пост председателя ОИДР. Поводом к отставке председателя и его протее О. М. Бодянского стала публикация в «Чтениях» сочинения Дж. Флетчера «О

¹¹⁴ Павлов П. Е. Указ. соч. С. 1050.

¹¹⁵ Иштутин В. В. Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях Общества истории и древностей российских за 1815–1848 гг. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 20.

¹¹⁶ Цит. по: Боярченков В. В. «Секретарь антикварского сословия»: О. М. Бодянский в Обществе истории и древностей российских. К 200-летию со дня рождения ученого-слависта // Славяноведение. 2009. № 2. С. 94.

¹¹⁷ Протоколы заседаний Общества в 1844 и 1845 гг. // ЧОИДР. 1846. Год 1. Кн. 1. С. X, XIII; Боярченков В. В. Общество истории и древностей российских в середине 1840-х гг. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 120.

государстве русском», содержащего критику политической и церковной жизни русского общества второй половины XVI в. В 1848 г. выпуск «Чтений» был прекращен, и ОИДР на полтора десятилетия лишилось права собственной цензуры¹¹⁸.

В результате событий, связанных с «историей Флетчера», пост С. Г. Строганова занял вице-президент ОИДР А. Д. Чертков, а секретарем Общества стал И. Д. Беляев – профессор истории русского права¹¹⁹. Под редакцией последнего издавался «Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских» (25 книг, 1849–1857), заменивший собой «Чтения». В 1851 г. специальный комитет ОИДР выработал проект нового устава, который, как и предыдущий, не был утвержден министром народного просвещения¹²⁰.

С восшествием на престол императора Александра II в стране меняется политическая атмосфера – начинается некоторая «оттепель». В 1857 г. тандем Строганов – Бодянский вернулся на руководящие должности в ОИДР. На заседании Общества от 8 июня было принято решение возобновить выпуск «Чтений» под редакцией секретаря О. М. Бодянского¹²¹, который с этого момента (по причине почти постоянного отсутствия графа С. Г. Строганова в Москве) стал неформальным председателем ОИДР¹²². В период его второго

¹¹⁸ Павлов П. Е. Указ. соч. С. 1050–1051; Боярченков В. В. С. Г. Строганов, С. С. Уваров и «история Флетчера» 1848 г. // Российская история. 2009. № 5. С. 148.

¹¹⁹ Протокол заседания Общества 1848 года ноября 27-го дня // ВОИДР. 1849. Кн. 1. С. I.

¹²⁰ Павлов П. Е. Указ. соч. С. 1052; Протокол заседания Общества 1851 года мая 5 дня // ВОИДР. 1855. Кн. 21, отд. 4. С. II; Протоколы заседаний Общества. 1852 года сентября 27 дня // ВОИДР. 1856. Кн. 24, отд. 5. С. V.

¹²¹ Протоколы заседания Императорского общества истории и древностей российских, 1857 г. // ЧОИДР. 1858. Кн. 1, отд. 5. С. 143.

¹²² Демидов И. А., Ишутин В. В. Указ. соч. С. 257–258.

секретарства (1857–1877) «Чтения» выходили с меньшей частотой – четыре книги в год, прежней результативности и эффективности в работе Общества уже не наблюдалось. В отличие от 1840-х гг. в пореформенное время ОИДР приходилось считаться с конкуренцией, возникшей в результате появления новых научных обществ¹²³.

Новая «история», которая негативно сказалась на деятельности ОИДР, произошла в 1873 г.: в «Чтениях» появилась полемическая статья А. А. Майкова «Трилогия на трилогию» под псевдонимом «К. Муций Сцевола» (с предисловием О. М. Бодянского). Статья была посвящена критике высказанных в министерских кругах идей «по пересмотру ключевых положений университетского устава 1863 г.». После ответной публикации в «Московских ведомостях» и разбирательств вокруг Общества в его деятельности наметился упадок: в 1873–1877 гг. состоялось всего восемь заседаний ОИДР¹²⁴. В 1874 г. в отставку подал председатель Общества граф С. Г. Строганов, которого на этом посту сменил экс-секретарь М. П. Погодин. Положение ОИДР осложнилось тем, что 18 марта 1875 г. высочайшим повелением было определено, чтобы все издания Общества печатались с разрешения его председателя и под его личную ответственность¹²⁵. Специальным распоряжением министра народного просвещения графа Д. А. Толстого на страницах «Чтений» запрещалась какая-либо полемика¹²⁶.

¹²³ Боярченков В. В. «Секретарь антикварского сословия»... С. 100–101.

¹²⁴ Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Указ соч. С. 101.

¹²⁵ Протокол заседания Императорского общества истории и древностей российских 1875 года, мая 24 дня // ЧОИДР. 1875. Кн. 3, отд. 5. С. 117–118.

¹²⁶ Демидов И. А., Ишутин В. В. Указ. соч. С. 259.

С отставкой графа С. Г. Строганова и смертью О. М. Бодянского (1877) в ОИДР начинает обнаруживаться кризис руководящих кадров, обусловленный сменой поколений, который усилил упадочную тенденцию. В течение нескольких лет (до 1893 г.) в Обществе сменилось пять председателей. После смерти М. П. Погодина (1875) председателем ОИДР был избран граф Д. Н. Толстой-Знаменский¹²⁷, в 1879 г. сложивший с себя председательские полномочия. Избранный в январе того же года новый председатель С. М. Соловьев выступил с обширной программой, в которой сформулировал задачи, стоящие перед ОИДР: поскольку издание летописей перешло к другому учреждению, то «за Обществом остается их комментирование», а также научное издание древних памятников – на уровне современного состояния истории, филологии и археологии¹²⁸. Однако он не успел осуществить намеченное – уже в октябре выдающийся историк скончался. С избранием на пост председателя старейшего из действительных членов ОИДР – И. Е. Забелина¹²⁹, процесс текучести кадров несколько приостановился.

Пребывание в должности секретаря Общества отличалось стабильностью: на смену О. М. Бодянскому пришел А. Н. Попов – профессор Лазаревского института восточных языков, доктор русской словесности¹³⁰. В 1881 г. секретарем ОИДР был избран коллекционер древнерусских манускриптов Е. В. Барсов¹³¹,

¹²⁷ Протокол заседания Императорского общества истории и древностей российских. 1876 года 16-го ноября // ЧОИДР. 1878. Кн. 1, отд. 5. С. I.

¹²⁸ Протокол заседания Императорского общества истории и древностей российских 6-го апреля, 1879 г. // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 4-5.

¹²⁹ Протокол заседания Императорского общества истории и древностей российских 22 декабря, 1879 г. // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 16.

¹³⁰ Протокол заседания Императорского общества истории и древностей российских. 1876 года 16-го ноября // ЧОИДР. 1878. Кн. 1, отд. 5. С. VII.

¹³¹ Протокол заседания. 30-го октября 1881 года // ЧОИДР. 1883. Кн. 4, отд. 5. С. 5.

остававшийся на этом посту до 1907 г. В 1888 г. Общество удовлетворило настойчивую просьбу И. Е. Забелина об отставке с поста председателя. На заседании от 5 мая было принято решение: «Впредь до утверждения проекта нового “устава”», над которым велась работа последние годы, «избрать временного председателя» ОИДР. Им стал археолог и историк искусства Ю. Д. Филимонов (1888–1893)¹³².

Таким образом, «императорский» этап эволюции ОИДР (1837–1893) обладает рядом существенных черт, которые сообщают ему принципиальное единство на всем его протяжении. Во-первых, его по справедливости можно назвать «эпохой Строганова», поскольку в 1836–1848 и 1857–1874 гг., охватывающих значительную часть данного этапа, ОИДР функционировало под руководством и покровительством этого просвещенного аристократа. Во-вторых, неоднократные попытки реформирования устава ОИДР, впервые инициированные О. М. Бодянским (1845) и предпринимавшиеся затем на протяжении почти 50 лет, увенчались успехом только в 1893 г. (обозначив нижнюю границу этого этапа). В-третьих, некоторые современные исследователи усматривают «концептуальное единство исследовательских поисков в области русской истории в 1830–1870-е гг.»¹³³, что хронологически совпадает с «эпохой Строганова» в истории ОИДР.

Проект нового устава Общества был утвержден министром народного просвещения графом И. Д. Деляновым 19 января 1893 г. А 26 февраля того же года новым председателем ОИДР

¹³² Протокол заседания 5-го мая 1888 г. // ЧОИДР. 1892. Кн. 1. С. 12.

¹³³ Боярченков В. В. Историческая наука в России 1830–1870-х гг... [Электронный ресурс]; см. также: Мохначева М. П. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999.

был избран В. О. Ключевский, принимавший непосредственное участие в разработке данного устава¹³⁴. В результате предпринятой реформы число его параграфов сократилось с 62 до 45¹³⁵. Согласно уставу, главные задачи ОИДР «состоят в собирании материалов для отечественной истории и в разработке оной по всем вопросам и предметам, в область ее входящим» (§ 2). Поскольку прежняя задача ОИДР – критическое издание летописей – отошла к Археографической комиссии, то с конца 1830-х гг. Общество расширило сферу своих научных интересов, сосредоточившись на решении задач комплексного исследования отечественной истории. Таким образом, новый устав зафиксировал уже утвердившийся практикой универсальный (общеисторический) характер деятельности ОИДР¹³⁶.

Историографическая ситуация, сложившаяся в российской исторической науке на рубеже XIX–XX вв., вызванная определенными тенденциями в области гуманитарных наук, стимулировала профессионализацию научно-исторических обществ. В этот период в отечественной исторической науке постепенно исчезает любительское начало, вокруг профессуры столичных университетов формируются научно-исторические школы¹³⁷.

Согласно реформированному уставу, члены ОИДР должны были ежемесячно собираться на заседания «для обсуждения

¹³⁴ Протоколы заседаний Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете за 1892–1893 гг. 374-е заседание 26 февраля 1893 г. // ЧОИДР. 1894. Кн. 1, отд. 4. С. 33.

¹³⁵ Устав Императорского общества истории и древностей российских, состоящего при Имп. моск. ун-те // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. С. 1–8.

¹³⁶ Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. 1975. С. 41.

¹³⁷ Шахназарова М. Г. Указ. соч. С. 133–134.

текущих дел и ученых докладов» (§ 40). В период 1893–1917 гг. было проведено свыше 100 заседаний, объединявших до 70–80 человек. Обсуждение сообщений и рефератов действительных членов и соревнователей становится важнейшей формой деятельности ОИДР в этот период. При подготовке докладов особое внимание уделяли поиску и изучению архивных материалов. В ходе дискуссий члены Общества выявляли лакуны в разработке тех или иных проблем и определяли приоритетность исследовательских задач. «Под руководством В. О. Ключевского заседания ОИДР стали действительно научными»¹³⁸.

Подобная обстановка способствовала тому, что членство в Обществе и авторский коллектив «Чтений» становились все более профессиональными. В числе 28 действительных членов, принятых в ОИДР с 1893 по 1904 г., 16 были профессорами различных учебных заведений. «К началу XX в. группа действительных членов ОИДР уже представляла собой коллектив профессиональных историков», среди которых наиболее выдающимися были В. О. Ключевский, М. К. Любавский, С. А. Белокуров, М. М. Богословский, В. И. Герье, Ю. В. Готье и другие¹³⁹.

В этот период на страницах «Чтений», ставших фактически научным журналом, появляются критические разборы диссертационных работ и исследований, такие как рецензия на сочинение М. К. Любавского «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута», составленная С.

¹³⁸ Тодийчук О. В. Указ. соч. С. 27–28.

¹³⁹ Шахназарова М. Г. Указ. соч. С. 138; Демидов И. А., Ишутин В. В. Указ. соч. С. 261.

А. Бершадским¹⁴⁰, отзыв М. А. Дьяконова на исследование М. М. Богословского «Земское самоуправление на русском севере»¹⁴¹, разбор исследования А. А. Кизеветтера «Посадская община в России XVIII столетия», сделанный М. М. Богословским¹⁴².

Как и на ранних этапах эволюции ОИДР, на «профессиональном» этапе основное внимание было уделено изданию исторических документов. Самой крупной публикацией этого периода стал сборник документов под общим заглавием «Смутное время Московского государства», подготовку и издание которого осуществляли сотрудники московских архивов в 1905–1917 гг. Издание сборника прекратилось в 1918 г. вместе с закрытием «Чтений»¹⁴³.

В. О. Ключевский исполнял обязанности председателя ОИДР до начала 1906 г. На апрельском заседании был избран новый председатель – генерал-лейтенант В. Г. Глазов, экс-министр народного просвещения, председатель Русского военно-исторического общества¹⁴⁴. В 1907 г. профессор русской истории М. К. Любавский сменил Е. В. Барсова на посту секретаря ОИДР, а с 30 января 1917 г. он стал временным председателем Общества (по причине длительного отсутствия Глазова в Москве). Должность секретаря занял казначей ОИДР С. А. Белокуров¹⁴⁵.

¹⁴⁰ ЧОИДР. 1894. Кн. 4, отд. 4. С. 4–26.

¹⁴¹ ЧОИДР. 1913. Кн. 4, отд. 4. С. 21–46.

¹⁴² ЧОИДР. 1906. Кн. 4, отд. 5. С. 4–36.

¹⁴³ Шахназарова М. Г. Указ. соч. С. 141.

¹⁴⁴ Протоколы заседаний Императорского общества истории и древностей российских при Моск. ун-те за 1905 и 1906 гг. 514-е заседание Общества 10 апреля (годовое) // ЧОИДР. 1907. Кн. 1, отд. 4. С. 16.

¹⁴⁵ Демидов И. А., Ишутин В. В. Указ. соч. С. 260; Бухерт В. Г. Указ. соч. С. 149.

С прекращением издания «Чтений» начинается заключительный этап эволюции Общества (1918–1929). В январе 1919 г. состоялись выборы председателя и секретаря: председателем ОИДР был избран М. К. Любавский, а секретарем – М. М. Богословский. Поскольку традиционная для Общества издательская деятельность «в новых условиях оказалась невозможной», то единственно доступной формой деятельности стали заседания. При этом количество заседаний постепенно возрастало: если в 1919 г. их было 11, то в 1921 – 13, а в 1922 – 15¹⁴⁶.

В связи с проводимой в начале 1920-х годов регистрацией обществ и объединений возникла необходимость регистрации ОИДР: в сентябре 1922 г. Обществу была предложена регистрация в Главнауке. Были внесены соответствующие изменения в устав ОИДР. Однако в апреле 1923 г. Комиссия по утверждению обществ, союзов и объединений отказала Обществу в регистрации, мотивировав это недопустимостью существования «в стенах высшей школы... частного Общества... чисто кастового, замкнутого в собственные профессорские рамки». Уже 24 мая деятельность ОИДР была приостановлена и возобновилась лишь 11 мая 1925 г. – после регистрации Общества и утверждении его устава, благодаря ходатайству начальника Главнауки Ф. Н. Петрова¹⁴⁷.

Последнее заседание ОИДР состоялось 9 апреля 1929 г. Вслед за прекращением деятельности Общества его члены были подвергнуты репрессиям в ходе «Академического дела» и «Дела славистов» в 1929–1934 гг.¹⁴⁸

¹⁴⁶ Бухерт В. Г. Указ. соч. С. 149; Демидов И. А., Ишутин В. В. Указ. соч. С. 279.

¹⁴⁷ Бухерт В. Г. Указ. соч. С. 156.

¹⁴⁸ Бухерт В. Г. Указ. соч. С. 158.

Таким образом, история Общества истории и древностей российских насчитывает 125 лет и представляет собой уникальный феномен с точки зрения эволюции этой научно-исторической ассоциации. Возникнув в начале XIX в. как кружок любителей отечественных древностей, с узкой специализацией – критическое издание летописей, ОИДР затем трансформировалось в наиболее представительный институт исторического знания вообще. Достигнув высокой профессионализации исторического знания на рубеже XIX–XX вв., Общество ввело в научный оборот (актуализировало) большое количество различных исторических документов, тем самым стимулировав развитие ряда исследовательских направлений отечественной исторической науки.

ГЛАВА II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОИДР В СФЕРЕ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ И СОХРАНЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ

§ 1. Издание летописей, древнерусских юридических и литературных памятников в ОИДР как способ актуализации средневековой русской культуры

Более столетия (1804–1918) Общество истории и древностей российских занималось археографической деятельностью – сборанием, описанием и изданием исторических источников, или документов.

В социально-гуманитарных науках термины «документ» и «исторический источник» часто используются как тождественные и взаимозаменяемые, поскольку один и тот же объект одновременно оказывается и документом, и историческим источником¹⁴⁹. Документ-источник полифункционален по своей природе: он не только «документирует» какие-либо сведения и «источает» информацию о прошлом, но и «выступает в качестве средства закрепления и передачи культурной традиции», воспринимается как «культурный образец», предназначенный для реализации определенной социальной потребности¹⁵⁰. По

¹⁴⁹ Чеченков П. В. Документ и исторический источник: на перекрестке социально-гуманитарных наук // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. № 4. С. 41–42.

¹⁵⁰ Илюшенко М. П. Указ. соч. С. 13

мнению Г. И. Королева, археография в своей практической функции может рассматриваться как «род культурной деятельности», а документальная публикация – как способ «введения культурного наследия в современную культуру»¹⁵¹.

Документальная публикация представляет собой сложный социокультурный феномен. В отличие от результата простого копирования документа она является новой информационной реальностью, которая может включать в себя не только воспроизведение текста документа в соответствии с определенными принципами, но и его информационное сопровождение (предисловие, примечания, комментарии и др.) и поисковую систему (оглавление и указатели). Это обеспечивает необходимую интерпретацию и социокультурную адаптацию документа для его включения в публичное информационное пространство¹⁵².

В сфере охраны культурного наследия практику, подобную археографической, называют «актуализацией наследия» и определяют как деятельность, направленную на сохранение и включение культурного наследия «в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации»¹⁵³.

Функционируя в публичном информационном пространстве, документ-источник в своем культурном измерении становится документом-памятником – единицей документального наследия. Письменные памятники представлены в документальном наследии «текстовыми

¹⁵¹ Цит по: Глебова И. И. Указ. соч. С. 55.

¹⁵² Глебова И. И. Указ. соч. С. 73, 74, 68, 81.

¹⁵³ Актуализация наследия. Б. м., б. г. // Музейная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?41> (дата обращения: 18.10.2019).

материалами» наряду с нетекстовыми, аудиовизуальными и виртуальными документами¹⁵⁴.

В XIX в. издание письменных памятников в России осуществлялось в рамках археологии как науки о древностях. И хотя в 1834 г. появилась специальная Археографическая комиссия, занимавшаяся описанием и изданием письменных источников, даже на исходе столетия об археографии бытовало представление как об археологии письменной или рукописной. Рукописи и старопечатные книги входили в состав «древностей» и изучались археологическими обществами¹⁵⁵. Письменные памятники служили средством к познанию прошлого путем извлечения из них фактов, необходимых для историописания, т. е. использовались преимущественно как исторические источники (резервуары фактов)¹⁵⁶.

Если в источниковедческом контексте письменный памятник воспринимается как источник семантической информации о прошлом, то с точки зрения памятниковедения он в первую очередь рассматривается как носитель аксиологических данных¹⁵⁷.

При оценке объекта документального наследия он исследуется на предмет аутентичности и уникальности, также его значимость устанавливается рядом критериев, среди которых первым выступает «время»: каждый документ имеет

¹⁵⁴ Память мира. Общие руководящие принципы... С. 9, 8.

¹⁵⁵ Чириков С. В. Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М., 2005. С. 36, 10–11.

¹⁵⁶ Полякова М. А. Подходы к изучению культурного наследия России в XVIII – начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. № 10/08. С. 258; Развитие научных подходов к публикации источников // Источниковедение: учеб. пособие / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М., 2015. С. 623.

¹⁵⁷ Гриффен Л. А. Теоретические основания памятниковедения. Киев, 2012. С. 25.

определенный «возраст» и «является продуктом своего времени»¹⁵⁸.

Авторитетный археограф ОИДР П. М. Строев отнес к отечественным памятникам «истории и литературы» все рукописи «от времен древнейших до начала XVIII века», выявленные на территории России¹⁵⁹. В 1835 г. проф. Н. Г. Устрялов составил записку для Археографической комиссии «об издании источников русской истории до конца XVII века»¹⁶⁰. В «Записке для обозрения русских древностей», опубликованной Русским археологическим обществом в 1851 г., «крайним пределом для исследования русских древностей» назначен 1700 г.¹⁶¹

Поскольку при переходе от допетровской эпохи к Новому времени произошла определенная социокультурная трансформация, вызвавшая изменения в свойствах и видовой структуре письменных источников, то в отечественном источниковедении корпус древнерусских источников принято очерчивать хронологическими рамками XI–XVII вв.¹⁶²

Если попытаться проанализировать логику появления публикаций ОИДР, то можно заметить, что внимание Общества главным образом было сосредоточено на издании важнейших памятников XI–XVII вв., образующих первичный и наиболее ценный «культурный слой» отечественной письменности. К его основным видам относятся летописи, юридические документы и литературные произведения.

¹⁵⁸ Память мира. Общие руководящие принципы... С. 22–23.

¹⁵⁹ ТЛОИДР. 1828. Ч. 4, кн. 1. С. 291.

¹⁶⁰ Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1835–1840 гг. СПб., 1885. Вып. 1. С. 4.

¹⁶¹ Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX в.: сборник документов / В. С. Дедюхина и [др.]. М., 1997. С. 82.

¹⁶² См., например: Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания России. М., 2007. Т. 1: Допетровская Русь, кн. 1. С. 7.

Летописание представляет собой уникальное явление средневековой русской и мировой культуры¹⁶³. Летописи как своды предшествующих текстов могут включать в себя другие памятники средневековой письменности: хроникальные записи, юридические документы, литературные и фольклорные произведения. Летописный жанр, как и прочие жанры средневековой письменности, является «объединяющим жанром», в котором первичные жанры древнерусской литературы находятся в сложных иерархических взаимоотношениях¹⁶⁴. Г. М. Прохоров отмечает неповторимость летописного жанра: в отличие от других жанров он теперь не может пополняться новыми произведениями и ушел безвозвратно¹⁶⁵. По мнению Д. С. Лихачева, летописи были «своеобразной энциклопедией средневековых исторических знаний»¹⁶⁶.

«Критическое издание» древнерусских летописей в ОИДР началось с подготовки к публикации Лаврентьевского кодекса (1377) – древнейшего списка Повести временных лет. Уникальность и выдающееся историко-культурное значение этого кодекса недавно признано на международном уровне: в 2013 г. Лаврентьевская летопись включена в реестр ЮНЕСКО «Память мира» – список объектов Всемирного документального наследия¹⁶⁷.

¹⁶³ Котляр Н. Ф. Летописание как явление средневековой книжной культуры // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 51.

¹⁶⁴ Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. Доклады советской делегации. V международный съезд славистов. М., 1963. С. 51.

¹⁶⁵ Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. СПб., 2014. С. 5.

¹⁶⁶ Лихачев Д. С. Летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 10.

¹⁶⁷ The Laurentian Chronicle 1377. S. l., s. a. // Memory of the World. [Electronic resource]. URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/>

Первый опыт издания Начальной русской летописи оказался неудачным: Х. А. Чеботарев и Н. Е. Черепанов руководствовались ошибочным взглядом А. Л. Шлецера о существовании древнего протографа ПВЛ (цельного произведения одного автора) и его стремлением реконструировать предполагаемый оригинал. Попытка восстановления первоначального текста по разночтениям, выявленным из 60 летописных списков, не имела успеха¹⁶⁸. Кроме того, подготовленные ими к публикации 10 печатных листов летописи были уничтожены московским пожаром 1812 г.

Работу над изданием Лаврентьевской летописи продолжил проф. Р. Ф. Тимковский, взявший за основу древнейший летописный список и употребивший для его корректировки разночтения, выявленные из семи ближайших к нему списков: Троицкого, Бекетовского, Котельницкого, Никоновского, Кенигсбергского, Воскресенского и Шлецевского¹⁶⁹. Тимковский выработал тип издания текста, при котором текст рукописи печатается по одному лучшему списку с подведением разночтений по остальным: такой текстологический прием называют «подведением вариантов»¹⁷⁰. Он успел подготовить к публикации лишь 13 печатных листов, вышедших отдельным изданием ОИДР в 1824 г. В предисловии к этой публикации К. Ф. Калайдович поместил подробное «библиографическое»

[registered-heritage-page-8/the-laurentian-chronicle-1377](https://www.registered-heritage-page-8/the-laurentian-chronicle-1377) (дата обращения: 18.10.2019).

¹⁶⁸ Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. Указ. соч. С. 45–46.

¹⁶⁹ Летопись Несторова, по древнейшему списку мниха Лаврентия... С. IV.

¹⁷⁰ Лихачев Д. С., Алексеев А. А., Бобров А. Г. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001. С. 744.

описание Лаврентьевской летописи, составленное А. Х. Востоковым¹⁷¹.

Попытки издания Первоначальной летописи в ОИДР и взгляд на нее как на цельное произведение одного автора стали ответом на определенный социокультурный запрос, сформировавшийся во второй половине XVIII – начале XIX в. Нестор стал занимать в русской культуре то же место, какое в европейской культуре занимал Гомер. Подобно тому как в Европе всю античную культуру выводили из поэм Гомера, видя в них цельные произведения, так в России всю средневековую русскую культуру выводили из летописи Нестора¹⁷².

Первоначально летописи выходили в ОИДР отдельными книгами, а с 1851 г. – в составе его повременных изданий. В 1836 г. кн. М. А. Оболенский подготовил к публикации сборник летописей из Супрасльского монастыря (1-я пол. XVI в.). В предисловии к этой публикации он отметил, что «издание... рукописей есть единственное средство их сохранения». Согласно Оболенскому, существует три типа изданий: исторический, сводный и графический. Примером сводного типа может служить издание Лаврентьевской летописи, выполненное проф. Р. Ф. Тимковским; графического – его собственное, в котором он воспроизвел текст «славянскими буквами, тщательно следуя смыслу, расстановке, правописанию каждого слова, ударениям, какие где поставлены, и отмечая в примечаниях все явные описки...»¹⁷³. Графическим способом Оболенский издал и Летописец русских

¹⁷¹ Летопись Несторова, по древнейшему списку мниха Лаврентия... С. V–VIII.

¹⁷² Вовина-Лебедева В. Г. Издания и исследования русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2011. Вып. 4. С. 7.

¹⁷³ Супрасльская рукопись... С. XIII, XVII–XVIII, XXII.

царей – одну из древнейших летописей, дошедших до наших дней, введенную издателем в научный оборот под именем Летописца Переяславля-Суздальского (нач. XIII в.). Опубликованная в 1851 г. рукопись содержит славянский перевод хронографа Иоанна Малалы¹⁷⁴. По терминологии Д. С. Лихачева, такой тип издания близок к «лингвистическому» изданию древнерусских памятников¹⁷⁵.

Низкий научный уровень первых публикаций ОИДР часто вызывал нарекания как со стороны современников, так и позднейших археографов. Спустя столетие А. Н. Насонов подверг критике издание Псковской летописи (сер. XVII в.), вышедшее в ОИДР отдельной книгой в 1837 г.¹⁷⁶ Он указал на главный недостаток этой публикации: избранный издателем способ подведения вариантов (при помощи специальных символов) не дает представления о вспомогательных списках¹⁷⁷.

В ходе исследования и издания памятников древнерусской письменности возникали оживленные дискуссии о принципах их публикации, выработывались методы критики текста и способы его воспроизведения. С 1860-х гг. начинается пересмотр принципов издания летописей: поскольку к тому времени летописи стали рассматриваться как своды различного историко-литературного материала, был сделан вывод о необходимости выработки правил публикации для каждой летописи отдельно. К 1880-м гг. была отвергнута идея

¹⁷⁴ Летописец Переяславля-Суздальского // ВОИДР. М., 1851. Кн. 9. Отд. 2. С. I–С, 1–112.

¹⁷⁵ Лихачев Д. С., Алексеев А. А., Бобров А. Г. Указ. соч. С. 470–474.

¹⁷⁶ Псковская летопись, изд. на иждивении Общества истории и древностей российских при Моск. ун-те М. Погодиным. М., 1837.

¹⁷⁷ Насонов А. Н. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. IV–V.

т. н. общих изданий, рассчитанных одновременно и на историков, и на лингвистов, и на литературоведов¹⁷⁸.

К концу XIX века в отечественной исторической науке сложилась определенная археографическая традиция, выдающимся представителем которой в ОИДР стал С. А. Белокуров. В 1898 г. он опубликовал сборник летописей (1-я пол. XV в.) из коллекции манускриптов Н. П. Никифорова, в который вошли Летописец патр. Никифора, Летописец Переяславля-Суздальского и Хроника русская (Летописец вкратце)¹⁷⁹. В археографическом предисловии он отметил, что переиздание Летописца Переяславля-Суздальского было мотивировано повышенным интересом к памятнику со стороны исследователей¹⁸⁰. В описании сборника Белокуров подробно проанализировал содержание памятников, сделал замечания текстологического и палеографического характеров¹⁸¹. Иллюстрируя палеографические особенности издаваемой рукописи, он поместил в приложении фототипическую таблицу с двумя снимками (л. 204, л. 248 об.). Также в предисловии он коснулся приемов воспроизведения текста: текст передается гражданским шрифтом с опусканием титлов, выносные буквы вносятся в строку и набираются курсивом, недостающие буквы русского алфавита заменяются буквами славянской азбуки¹⁸². В конце своего издания Белокуров поместил два указателя – личных и географических имен и предметный¹⁸³.

¹⁷⁸ Хартанович М. Ф. К истории создания первых томов «Полного собрания русских летописей» (30–60-е гг. XIX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1993. Т. 24. С. 163–164.

¹⁷⁹ Русские летописи // ЧОИДР. 1898. Кн. 4, отд. 1. С. I–LII, 1–90.

¹⁸⁰ Там же. С. VI.

¹⁸¹ Там же. С. XXI–LI.

¹⁸² ЧОИДР. 1898. Кн. 4, отд. 1. С. LI–LII.

¹⁸³ Там же. С. 337–395.

При сравнении современных рекомендаций для издания древнейших рукописей¹⁸⁴ с принципами издания летописей, которых придерживался С. А. Белокуров, последние оказываются очень близкими к первым. Это свидетельствует о том, что к концу XIX в. публикации ОИДР достигли высокой археографической культуры и стали образцами научного издания памятников письменности.

Древнерусские юридические памятники включают в себя кодексы светского и церковного законодательства, а также разнообразный актовый материал. Что касается древнерусских актов – документов, предоставляющих какие-либо права, выполняющих договорную или распорядительную функцию, – то в XVI–VII вв. их количество резко возрастает. В этот период акты Московского государства и Литовской Руси приобретают черты массовой документации и в некотором роде оказываются близки к памятникам Нового времени. Среди памятников древнерусской письменности наибольшим историко-культурным значением обладают документы XI–XIII вв. Поэтому деятельность ОИДР по изданию основного корпуса средневековых актов, как и делопроизводственных документов XVI–VII вв., будет рассмотрена в соответствующем параграфе. Исключение составят лишь публикации представляющих особую ценность некоторых публично-правовых актов, имеющих договорно-законодательный вид.

Первым законодательным памятником, изучением и изданием которого занимались археографы ОИДР, стала Русская Правда. В 1815 г. К. Ф. Калайдович опубликовал текст пространной редакции Правды по Синодальному списку

¹⁸⁴ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990. С. 46–47.

Кормчей (1282)¹⁸⁵. Совместно с этим кодексом он издал ряд памятников церковного и светского права, которые можно разделить на три категории. 1. Памятники церковного права светского происхождения – уставные грамоты в пользу церкви: а) Грамота новгородского князя Всеволода по списку XIV в. – устав, данный церкви Иоанна Предтечи на Петрятине дворище в начале XII в.¹⁸⁶; б) Устав новгородского князя Святослава 1137 г., определяющий размер десятины, предназначенной для Софийского собора (список XIV в.)¹⁸⁷. 2. Памятники древнерусской каноники: а) «Послание Иоанна митрополита русского», содержащее ответы на вопросы Иакова Черноризца¹⁸⁸; б) «Правило Кирилла митрополита русского», представляющее собой сборник девяти канонов Владимирского собора 1274 г.¹⁸⁹ 3. Публично-правовые акты, включающие две уставных и одну губную грамоты Ивана IV, данные двинянам и белозерцам, на которые как на правовые прецеденты ссылались составители Судебника 1550 г.¹⁹⁰

Спустя несколько десятилетий Д. Н. Дубенский переиздал текст пространной редакции Правды в составе юридического сборника, принадлежащего коллекции рукописей гр. А. И. Мусина-Пушкина (XIV в.)¹⁹¹. В сборник вошли следующие памятники: «Судная Ярославова грамота», включающая помимо Русской Правды «Узаконения Константиновы» и «Выписку из книг Моисеевых»; «Бессудная Мстиславова грамота» и «Устав Ярослава о мостах в Новгороде».

¹⁸⁵ РД. Ч. 1. 1815. С. 17-58.

¹⁸⁶ РД. Ч. 1. 1815. С. 76-81.

¹⁸⁷ Там же. С. 82-85; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв. М., 1972. С. 151.

¹⁸⁸ РД. Ч. 1. 1815. С. 86-103.

¹⁸⁹ Там же. С. 104-124.

¹⁹⁰ Там же. С. 125-165.

¹⁹¹ РД. Ч. 2. 1843. С. 10-136.

В предисловии к издаваемым памятникам Дубенский отметил, что он руководствовался археографическими принципами проф. Р. Ф. Тимковского: заменив при публикации недостающие буквы русского алфавита славянскими, он воспроизвел текст гражданским шрифтом. Для подведения вариантов он пользовался несколькими списками Русской Правды: Щлецеровским, Болтинским, Крестининским, Синодальным, Софийским и Годуновским¹⁹². По мнению М. Н. Тихомирова, это издание «и в настоящее время не потеряло своего значения и в известной мере может быть названо образцовым»¹⁹³.

Российский правовед Ф. И. Леонтович в своем исследовании показал, что древнее литовское законодательство «как система русского права» институционально связано с Русской Правдой и может служить ее объяснением, а «с ней и нашего юридического быта»¹⁹⁴. Исследованию предшествовали публикации памятников литовского права в ОИДР, издавшем в 1850-х гг. Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг.¹⁹⁵

В силу своей христианской специфики культура Древней Руси, особенно домонгольского периода, была «высокой и утонченной»¹⁹⁶, что отразилось и на семантическом наполнении литературных памятников, репрезентирующих данный тип культуры. Поэтому отнесение к светской

¹⁹² Там же. С. X.

¹⁹³ Тихомиров. М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 13.

¹⁹⁴ Леонтович Ф. И. Русская Правда и Литовский Статут, в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права. Киев, 1865. С. 91, 92.

¹⁹⁵ ВОИДР. 1854. Кн. 18, отд. 2. С. I-II, 1-106, I-XVI; ВОИДР. 1855. Кн. 23, отд. 2. С. 1-240; ВОИДР. 1854. Кн. 19, отд. 2. С. 1-382.

¹⁹⁶ Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве и культура его времени. Л., 1978. С. 3.

литературе некоторых произведений XI–XVII вв. имеет достаточно условный характер.

При издании литературных памятников в ОИДР приоритет отдавался воинским повестям – лирическим произведениям, воспевающим подвиги защитников русских земель и относящимся к жанрам оригинальной древнерусской литературы. В 1838 г. И. М. Снегирев опубликовал «Сказание о Мамаевом побоище» по списку проф. Р. Ф. Тимковского (XVII в.)¹⁹⁷ и «Слово о полку Игореве» по изданию 1800 г.¹⁹⁸, утраченная рукопись которого датируется XVI в.¹⁹⁹ Уникальный памятник, находившийся в составе рукописного сборника, принадлежащего коллекции гр. А. И. Мусина-Пушкина, погиб в огне московского пожара 1812 г.

В 1844 г. «Слово о полку Игореве» было переиздано Д. Н. Дубенским, который воспроизвел текст первого издания, дополнив его прозаическим переводом и подробными комментариями, включающими языковые параллели, грамматические справки и объяснение непонятных слов. Для этого он пользовался текстами летописей и других памятников древнерусской письменности²⁰⁰. В 1882 г. ОИДР опубликовало «Слово» в поэтическом переводе В. А. Жуковского, ошибочно атрибутированном как произведение А. С. Пушкина²⁰¹.

По замечанию Д. С. Лихачева, посвятившего много лет изучению этого памятника, он находится «на грани литературы и фольклора», поскольку в XI–XIII вв. книжные и устные жанры

¹⁹⁷ РИС. 1838. Т. 3, кн. 1. С. I–XVI, 1–80.

¹⁹⁸ Там же. С. 107–128.

¹⁹⁹ Творогов О. В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 137–164.

²⁰⁰ РД. Ч. 3. 1844. С. I–X, I–LV, I–II, 1–318, I–VI.

²⁰¹ Слово о полку Игореве, в переводе А. С. Пушкина. С предисловием Е. В. Барсова // ЧОИДР. 1882. Кн. 2, отд. 2. С. I–IX, 1–16.

«составляли некое двуединство словесного искусства». В раннем Средневековье книжная грамотность имела широкое распространение, а фольклор охватывал все слои общества²⁰².

Еще одна воинская повесть – «Задонщина», как и «Сказание», принадлежащая памятникам Куликовского цикла, была издана в ОИДР в 1852 г. Для демонстрации «достоинства списка» (XVII в.) к публикации был приложен снимок его первой страницы²⁰³.

Дидактическая литература Древней Руси представлена в ОИДР изданием таких памятников, как «Поучение к братии» архиепископа Луки²⁰⁴ и Послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху «о посте и о воздержании чувств»²⁰⁵.

Среди широкого спектра публикаций агиографической литературы можно отметить неоднократное издание жития Феодосия Печерского (XII в.)²⁰⁶ и публикацию центрального произведения Борисоглебского цикла – «Сказание о Борисе и Глебе»²⁰⁷. Изданием последнего памятника, как и некоторых других агиографических произведений, занимался О. М. Бодянский. В 1870 г. он опубликовал его по двум харатейным спискам – XII и XIV вв., воспроизведя текст церковнославянским шрифтом. Для иллюстрации палеографических особенностей опубликованных рукописей он поместил в приложении литографированные снимки «первых листов каждого списка»²⁰⁸.

²⁰² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 16, 3, 13-14.

²⁰³ ВОИДР. 1852. Кн. 14, отд. 2. С. I-XIV, 1-8.

²⁰⁴ Поучение архиепископа Луки к братии // РД. Ч. 1. 1815. С. 3-16.

²⁰⁵ Послание Никифора митрополита Киевского к великому князю Владимиру Всеволодовичу // РД. Ч. 1. 1815. С. 59-75.

²⁰⁶ ЧОИДР. 1858. Кн. 3, отд. 3. С. I-VI, 1-31; ЧОИДР. 1879. Кн. 1. С. 1-10, 1-42.

²⁰⁷ ЧОИДР. 1870. Кн. 1, отд. 3. С. I-XXVII, 1-31, 1-18.

²⁰⁸ Там же. С. XXVII.

Помимо оригинальных произведений древнерусской книжности ОИДР издавало и памятники переводной литературы. Антология изречений античных мудрецов и христианских писателей «Пчела» была опубликована П. А. Бессоновым в 1857 г. по трем ее изводам (архетипам). В основе каждого из изводов лежит несколько списков с разбросом датировок от XIV до XVII в.²⁰⁹ В 1895 г. была издана «Пчела в 44 главы» по списку Императорской публичной библиотеки (XVI–XVII вв.) с вариантами по другим спискам²¹⁰.

Среди произведений переводной дидактики особое место занимает Изборник Святослава 1073 г. – древнейший из дошедших до нас наряду с Остромировым Евангелием памятник древнерусской литературы. Его славянский перевод опубликован с параллельными текстами – греческим и латинским²¹¹. «Критическим основанием» для этого издания послужил греческий оригинал²¹². В обширном «археографическом обзрении» издатель поместил список исправленных искажений и внесенных интерполяций, сделанных при подготовке к публикации памятника²¹³.

ОИДР издавало и переводную литературу светского характера. В 1879 г. А. Н. Попов опубликовал Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского по списку Московской Синодальной библиотеки (1263) «слово в слово и буква в букву»²¹⁴ – компилятивный памятник древнерусской письменности, в котором «естественнонаучные» комментарии

²⁰⁹ ВОИДР. 1857. Кн. 25, отд. 2. С. I–CVI, 1–64.

²¹⁰ ЧОИДР. 1895. Кн. 2, отд. 2. С. I–XVI, 1–76.

²¹¹ ЧОИДР. 1882. Кн. 4. С. I–XXV, 1–32, 1–184.

²¹² Там же. С. 22.

²¹³ Там же. С. 7–21.

²¹⁴ ЧОИДР. 1879. Кн. 3. С. I–XXVI, 1–254.

к повествованию о миротворении соединяются с положениями христианской онтологии и гносеологии.

Особняком в древнерусской литературе стоит энциклопедия средневекового домашнего быта и регламента «Домострой»: в его основу легли, с одной стороны, переводные дидактические антологии, с другой – монастырские обиходники, т. е. памятники литургического жанра. В XIX в. «Домострой» настолько привлекал внимание исследователей, что удостоился в ОИДР трехкратного издания²¹⁵.

Таким образом, в деятельности Общества истории и древностей российских по изданию памятников древнерусской письменности и литературы можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, воспроизведение средневековых текстов в соответствии с определенными принципами и в контексте того или иного информационного сопровождения обеспечивало «древностям» необходимую интерпретацию и социокультурную адаптацию при включении их в актуальную культуру.

Во-вторых, реагируя на существующий в то время социокультурный запрос, археографы ОИДР в первую очередь стремились издать памятники-символы, определяющие собой культурный код Древней Руси: ПВЛ, Русскую Правду, «Слово о полку игореве», Изборник Святослава 1073 г. и др. Поэтому вряд ли можно согласиться с тезисом о случайности публикаций ОИДР (по крайней мере, в отношении памятников древнерусской письменности и литературы), появившемся в отечественной историографии²¹⁶.

²¹⁵ ВОИДР. 1849. Кн. 1, отд. 2. С. I-VI, 1-8, 1-116; ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. I-IV, 1-202; ЧОИДР. 1882. Кн. 1, отд. 5. С. I-XVI; ЧОИДР. 1908. Кн. 2, отд. 2. С. 1-104, 1-171.

²¹⁶ См., например: Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. Указ. соч. С. 54.

В-третьих, переиздавая уникальные и важнейшие памятники и повышая научный уровень своих публикаций, археографы ОИДР способствовали активизации их социокультурной роли и стимулировали развитие источниковедческих исследований.

В историографии утвердилось мнение о литературоцентричности древнерусской культуры²¹⁷: письменные памятники, будучи средоточием культуры, представляют собой некий микрокосм – малый мир книжности, репрезентирующий необъятный мир национальной культуры. Следовательно, деятельность ОИДР по введению в публичное информационное пространство памятников древнерусской письменности и литературы – летописей, юридических документов и литературных произведений различного жанра – можно рассматривать как его вклад в актуализацию письменности Древней Руси, а в определенном смысле – и как способ репрезентации и актуализации им средневековой русской культуры.

§ 2. Публикация документов в ОИДР как вклад в актуализацию письменного наследия

К документам, изданием которых занималось Общество истории и древностей российских, относится почти весь

²¹⁷ См., например: Худoley Н. В. Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2017. Т. 14. № 4. С. 645; Полуешина Н. А. «Книжное устройство» как культурная стратегия: уроки ранней Руси // Государственная служба. 2014. № 1 (87). С. 108.

комплекс видов письменных источников, включая не только документы в узком смысле (комплекс юридических и делопроизводственных материалов), но и такие виды письменных источников, как фольклорные произведения и научные труды. Последние представляют собой наряду с прочими видами источников «единый и последовательный продукт интеллектуального творчества» – носитель информации²¹⁸. Согласно определению, которое содержится в «Общих руководящих принципах сохранения документального наследия» ЮНЕСКО, документом является все то, что регистрирует информацию «посредством целенаправленного интеллектуального действия»²¹⁹.

Систематизация различных юридических и делопроизводственных материалов, опубликованных в ОИДР, представляет определенную трудность. Во-первых, это связано с произвольным характером археографической деятельности ОИДР. Во-вторых, комплексные и серийные публикации зачастую содержат конгломерат различных видов письменных источников, расположенных в случайной последовательности. Так, в сборнике Литовской метрики, изданном М. В. Довнар-Запольским в 1899 г., наряду с актами и делопроизводственными материалами хаотично присутствуют отдельные документы законодательного характера – привилеи общеземские, областные, городам и отдельным группам населения (этническим и конфессиональным)²²⁰.

²¹⁸ Память мира. Общие руководящие принципы... С. 67.

²¹⁹ Память мира. Общие руководящие принципы... С. 8, 65.

²²⁰ Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским. Вып. 1. 1390–1529 гг. // ЧОИДР. 1899. Кн. 4, отд. 1. С. I–XII, 1–258; Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. Ч. 1: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1552 г. С. 106.

Среди важнейших юридических памятников, изданных в ОИДР, особой уникальностью обладает Винодольский закон 1280 г. – древнейший кодекс южнославянского права, писанный глаголическим письмом, принятый на общем вече старейшинами Приморской Хорватии²²¹.

Некоторые документы в силу их иностранного происхождения лишь условно можно считать памятниками отечественного законодательства. Третья Новгородская скра (1325), опубликованная в переводе с немецкого П. Талем, представляет собой свод положений германского гражданского и уголовного права, определявший порядок торга «между русскими и немцами на Новгородском подворье»²²².

Мирные договоры Новгорода и Пскова, заключенные со своими иноплеменными соседями – шведами и ливонцами, занимают в ряду средневековых актов одно из первых мест. Изданный в ОИДР акт «о рубеже между Швецией и Новгородом», подтверждает Ореховецкое мирное соглашение, подписанное в правление короля Мангуса Эриксона в 1323 г. Документ переведен с латинского и датируется 1351 г.²²³

Комплекс актовых и делопроизводственных материалов, опубликованных в ОИДР, весьма разнообразен по своему составу и в целом занимает значительное место в археографической деятельности ОИДР, которую можно рассмотреть на примере наиболее значимых и серийных публикаций.

Служивший в Московском архиве Министерства финансов А. И. Юшков опубликовал сборник актов, переданных в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после

²²¹ ЧОИДР. 1846. Год 1. Кн. 4, отд. 1. С. 3-42.

²²² ЧОИДР. 1905. Кн. 4, отд. 1. С. VI, 1-41.

²²³ ЧОИДР. 1880. Кн. 1. С. 5-6.

отмены местничества. В состав сборника в основном вошли древние публично-правовые акты: различные жалованные грамоты XIV–XVII вв., грамоты волостелям и наместникам на кормление до конца XVI в., правые грамоты по судным делам XV–XVI вв.²²⁴

Крупной серийной публикацией стало издание «Сотниц, грамот и записей» архивистом А. С. Шумаковым. В серию вошли указные (с прочетом), послушные, мировые, данные, купчие, меновные, межевые, челобитные и другие грамоты XVI–XVII вв., сотные грамоты с уездных писцовых книг Московского государства, выписки из столбцов Поместного приказа, документы Литовской метрики, различные делопроизводственные материалы²²⁵.

Другая серийная публикация ОИДР – «Акты писцового дела», включает в себя делопроизводственные материалы: документы Поместного приказа и четвертей – Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской, связанные с кадастром и посошным обложением – наказные памяти, различные росписи, доклады, челобитные. Публикацию подготовил археограф С. Б. Веселовский²²⁶.

Самой крупной серийной (и неоконченной) публикацией, предпринятой археографами ОИДР, стало издание обширного собрания документов под общим названием «Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.», запланированного в

²²⁴ ЧОИДР. 1898. Кн. 1, отд. 1. С. I–XV, 1–127; Кн. 3, отд. 1. С. 129–336; Кн. 4, отд. 1. С. 337–416.

²²⁵ ЧОИДР. 1902. Кн. 2, отд. 1. С. I–VIII, 1–272; ЧОИДР. 1903. Кн. 3, отд. 1. С. 1–36; ЧОИДР. 1904. Кн. 4, отд. 1. С. I–VIII, 1–214; ЧОИДР. 1908. Кн. 4, отд. 1. С. I–VI, 1–170; ЧОИДР. 1909. Кн. 4, отд. 1. С. I–VI, 1–116; ЧОИДР. 1911. Кн. 3, отд. 1. С. I–IV, 1–128; ЧОИДР. 1913. Кн. 4, отд. 1. С. I–VI, 1–46.

²²⁶ ЧОИДР. 1913. Кн. 2, отд. 1. С. I–XII, 1–320; Кн. 3, отд. 1. С. 321–448; Кн. 4, отд. 1. С. 449–668.

11 выпусках²²⁷. В рамках этого проекта были изданы следующие сборники: «Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.» (вып. 7)²²⁸; «Акты подмосковного ополчения и Земского собора. 1611-1613 гг.» (вып. 5) – включает преимущественно челобитные грамоты²²⁹; «Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610-1611 гг.» (вып. 8)²³⁰; «Памятники обороны Смоленска. 1610-1611 гг.» (вып. 6)²³¹; «Четвертки Смутного времени. 1604-1617 гг.» (вып. 9) – состоит из кормленных книг, разрядных столбцов и памятей, имеет фототипические таблицы²³²; «Акты времени правления царя Василия Шуйского. 1606 г. 19 мая – 1610 г. 17 июля» (вып. 2)²³³; «Акты времени Междоусобия. 1610 г. 17 июля – 1613 г.» (вып. 3) – содержит документы Московского и Польского государств²³⁴; «Арзамасские поместные акты. 1578-1618 гг.» (вып. 4) – включает отдельные и межевые книги поместий²³⁵; «Акты времен Лжедмитрия I-го. 1603-1606 гг.» (вып. 1)²³⁶.

Издание было подготовлено сотрудниками московских архивов и ведущими археографами ОИДР С. А. Белокуровым, Ю. В. Готье, С. К. Богоявленским, А. М. Гневушевым, С. Б. Веселовским и др.

Важнейшим вкладом в актуализацию письменного наследия стало издание в ОИДР различных этнографических и фольклорных материалов русского, украинского, болгарского и

²²⁷ ЧОИДР. 1910. Кн. 3, отд. 1. С. II-IV.

²²⁸ Там же. С. I-VI, 1-284.

²²⁹ ЧОИДР. 1911. Кн. 4, отд. 1. С. I-XIV, 1-228.

²³⁰ Там же. С. I-XXXV, 1-180.

²³¹ ЧОИДР. 1912. Кн. 1, отд. 1. С. I-XVII, 1-282.

²³² ЧОИДР. 1912. Кн. 2, отд. 1. С. I-XXVII, 1-400.

²³³ ЧОИДР. 1915. Кн. 2, отд. 1. С. I-XIX, 1-414.

²³⁴ ЧОИДР. 1915. Кн. 4, отд. 1. С. I-XVIII, 1-240.

²³⁵ ЧОИДР. 1916. Кн. 1. С. I-XVI, 1-736.

²³⁶ ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. I-VI, 1-328.

других славянских народов. Письменная фиксация разнообразных фольклорных произведений является одним из способов сохранения и передачи культурной традиции, а введение письменно зафиксированного фольклора в публичное информационное пространство – вкладом в актуализацию письменного наследия.

«Русские народные стихи», собранные литератором и фольклористом П. В. Киреевским и опубликованные в ОИДР, включают 55 произведений религиозного характера: они посвящены почитаемым на Руси святым – Федору Тирону, Дмитрию Солунскому, Николаю Святителю, Борису и Глебу, а также различным христианским сюжетам – библейским и этическим²³⁷.

Материалы русского и – шире – восточнославянского фольклора были представлены в ОИДР также серийными публикациями. Антология русских народных былин и песен, собранных П. В. Шейном, состоит из нескольких разделов: «Русские народные былины»²³⁸; «Детские»²³⁹; «Песни хороводные»²⁴⁰; «Песни плясовые и беседные»²⁴¹; «Песни голосовые и протяжные»²⁴²; «Песни обрядные»²⁴³; «Песни свадебные»²⁴⁴; «Песни былевые»²⁴⁵. Материал, вошедший в это серийное издание, собирался в течение десятилетий в Тверской, Тульской, Калужской, Псковской, Вятской губерниях, в регионах Поволжья и Сибири. Фольклорные

²³⁷ ЧОИДР. 1948. Год. 3. Кн. 9, отд. 4. С. 141–226.

²³⁸ ЧОИДР. 1859. Кн. 3, отд. 5. С. 121–170.

²³⁹ ЧОИДР. 1868. Кн. 1, отд. 2. С. I–II, 1–80.

²⁴⁰ ЧОИДР. 1868. Кн. 2, отд. 2. С. 83–244.

²⁴¹ ЧОИДР. 1868. Кн. 4, отд. 2. С. 245–288.

²⁴² ЧОИДР. 1869. Кн. 1, отд. 2. С. 289–364.

²⁴³ ЧОИДР. 1869. Кн. 3, отд. 2. С. 365–410.

²⁴⁴ ЧОИДР. 1869. Кн. 4, отд. 2. С. 411–510.

²⁴⁵ ЧОИДР. 1877. Кн. 3. С. 1–129.

произведения были записаны М. И. Семевским, А. Н. Поповым, Л. Н. Майковым, Г. Н. Потаниным, А. Н. Афанасьевым и другими литераторами и этнографами – собирателями фольклора.

«Народные песни Галицкой и Угорской Руси», подготовленные к изданию украинским фольклористом проф. Я. Ф. Головацким, стали крупнейшей антологией письменно зафиксированного фольклора. Серия публикаций, выходявших в ОИДР в течение почти 15 лет, включала в себя следующие разделы: «Думы и думки»²⁴⁶; «Обрядные песни»²⁴⁷; «Песни плясовые»²⁴⁸; «Песни Угорской Руси»²⁴⁹; «Обрядные песни в окрестностях Збруча, в селах Дубковцы, Раштовцы и Сорока»²⁵⁰; «Песни русского маковицкого люда в Угрии»²⁵¹; «Песни русинов-лемков в Галиции»²⁵²; «Коломийки и шумки, собранные наиболее в Подгорье»²⁵³; разночтения и дополнения к «Думам и думкам»²⁵⁴; разночтения и дополнения к «Обрядным песням»²⁵⁵; «Народные обычаи, обряды и песни в Буковине русского народа»²⁵⁶; оглавления и алфавитные указатели²⁵⁷. Информационное сопровождение серии и систематизацию фольклорного материала подготовил О. М. Бодянский.

²⁴⁶ ЧОИДР. 1863. Кн. 3, отд. 3. С. I–XII, 1–130; Кн. 4, отд. 3. С. 131–388.

²⁴⁷ ЧОИДР. 1864. Кн. 1, отд. 3. С. 1–176; Кн. 3, отд. 3. С. 177–246.

²⁴⁸ ЧОИДР. 1864. Кн. 3, отд. 3. С. 247–320; Кн. 4, отд. 3. С. 321–468; ЧОИДР. 1865. Кн. 4, отд. 3. С. 469–534.

²⁴⁹ ЧОИДР. 1866. Кн. 1, отд. 3. С. 535–624.

²⁵⁰ ЧОИДР. 1866. Кн. 3, отд. 3. С. 625–698.

²⁵¹ Там же. С. 699–717.

²⁵² Там же. С. 718–738.

²⁵³ ЧОИДР. 1867. Кн. 2, отд. 3. С. 739–841.

²⁵⁴ ЧОИДР. 1870. Кн. 3, отд. 3. С. 1–132; Кн. 4, отд. 3. С. 133–288; ЧОИДР. 1871. Кн. 1, отд. 3. С. 289–446; Кн. 2, отд. 3. С. 447–523.

²⁵⁵ ЧОИДР. 1871. Кн. 4, отд. 3. С. 1–108; ЧОИДР. 1872. Кн. 1, отд. 3. С. 109–208; Кн. 2, отд. 3. С. 209–272; Кн. 3, отд. 3. С. 273–398.

²⁵⁶ ЧОИДР. 1876. Кн. 1, отд. 3. С. 531–670.

²⁵⁷ ЧОИДР. 1876. Кн. 3, отд. 3. С. I–LXXX.

Южнославянский фольклор был представлен в ОИДР изданием антологии болгарских песен из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар. Материалы к публикации подготовил русский филолог-славист П. А. Бессонов, составивший «Указатель отдельных слов и речений», встречающихся в антологии. Издание было разделено на два выпуска: «Песни юнацкие»²⁵⁸ и «Песни женские»²⁵⁹.

Среди опубликованных в ОИДР материалов, в формировании которых особая роль принадлежит индивидуальному началу, направленному на установление авто- или межличностной коммуникации, – т. е. документов личного происхождения, можно отметить записки генерала А. П. Ермолова, представляющие собой серийное издание с приложениями²⁶⁰, и статьи, в которых содержатся мемуары о бывшем председателе ОИДР В. О. Ключевском²⁶¹.

В ОИДР также поступали материалы, авторы которых не являлись его членами. Некоторые из этих материалов можно квалифицировать как научные труды. Исследования, актуальные для своего времени, после опубликования навсегда становятся памятниками научной мысли. К таким памятникам можно отнести «Историю Русов или Малой России» Г. О. Конисского²⁶², «Историю российскую» (кн. 5) В. Н. Татищева²⁶³,

²⁵⁸ ВОИДР. 1855. Кн. 21, отд. 2. С. I–XVII, 1–268.

²⁵⁹ ВОИДР. 1855. Кн. 22, отд. 2. С. 1–148, 1–46.

²⁶⁰ ЧОИДР. 1864. Кн. 3, отд. 2. С. 1–113; ЧОИДР. 1865. Кн. 3, отд. 2. С. 1–184; Кн. 4, отд. 2. С. 185–380; ЧОИДР. 1866. Кн. 2, отд. 2. С. 1–120; Кн. 3, отд. 2. С. 121–192; ЧОИДР. 1867. Кн. 3, отд. 2. С. 1–247; Кн. 4, отд. 2. С. 249–358; ЧОИДР. 1868. Кн. 1, отд. 2. С. 359–434.

²⁶¹ Богословский М. М. Из воспоминаний о В. О. Ключевском; Белокуров С. А. Воспоминания о В. О. Ключевском // ЧОИДР. 1914. Кн. 1. С. 123–130, С. 414–440.

²⁶² ЧОИДР. 1846. Год 1. Кн. 1, отд. 2. С. 1–24; Кн. 2, отд. 2. С. 25–80; Кн. 3, отд. 2. С. 81–144; Кн. 4, отд. 2. С. 145–262; ЧОИДР. 1846. Год 2. Кн. 3, отд. 2. С. 1–45.

²⁶³ ЧОИДР. 1847. Год 3. Кн. 4, отд. 2. С. I–X, 1–152.

«Походы викингов» А. М. Стрингольма²⁶⁴, монографию М. Д. Затыркевича «О влиянии борьбы между народами и условиями на образование строя Русского государства в домонгольский период»²⁶⁵.

В течение всего периода археографической деятельности ОИДР принципы издания им письменных памятников не отличались унификацией, приемы воспроизведения текста зависели от характера конкретного памятника и индивидуальных подходов, вошедших в практику у различных публикаторов. Даже в серийных изданиях «в деталях приемы передачи текста у разных редакторов не были одинаковыми»²⁶⁶. Во второй половине XIX в. археографы пришли к выводу о необходимости выработки правил публикации для каждого памятника отдельно.

К началу XX в. научный уровень изданий ОИДР повысился: его археографы уже следовали устоявшейся традиции, выработавшейся при исследовании различных видов письменных памятников. Информационное сопровождение и поисковая система издаваемых памятников (предисловие, примечания, комментарии, оглавление, указатели и др.) постоянно совершенствовались, что повышало эффективность интерпретации памятников и способствовало их социокультурной адаптации.

Таким образом, в результате археографической деятельности Общества истории и древностей российских публикациями был затронут почти весь корпус источников

²⁶⁴ ЧОИДР. 1859. Кн. 3, отд. 4. С. 1-142; Кн. 4, отд. 4. С. 143-298; ЧОИДР. 1860. Кн. 1, отд. 4. С. 1-94; Кн. 2, отд. 4. С. 95-216; Кн. 3, отд. 4. С. 217-290; Кн. 4, отд. 4. С. 291-360.

²⁶⁵ ЧОИДР. 1873. Кн. 1, отд. 1. С. 1-106; Кн. 2, отд. 1. С. 107-306; Кн. 3, отд. 1. С. 307-353, 1-105.

²⁶⁶ Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. Указ. соч. С. 217.

российской истории. Введение ОИДР в публичное информационное пространство целого комплекса письменных памятников посредством отдельных и серийных публикаций следует рассматривать как весомый вклад этой научно-исторической ассоциации в актуализацию письменного наследия.

§ 3. Коллекции ОИДР: каталогизация манускриптов, старопечатных книг, старинных монет и медалей

Важнейшим направлением памятникоохранной деятельности ОИДР стало сохранение «древностей» путем их коллекционирования. К началу XX в. Общество имело обширную библиотеку редких рукописей и книг и минц-кабинет, в котором скапливались старинные монеты, медали и другие предметы, представляющие историко-культурную ценность.

Ранние коллекции ОИДР вместе его архивом погибли в огне московского пожара в 1812 г. Коллекционирование было возобновлено в 1815 г.: в библиотеку поступило 439 рукописей и книг, нумизматический отдел пополнился 283 монетами и медалями²⁶⁷.

Регистрация поступивших в библиотеку материалов производилась с помощью составления каталогов – описаний коллекции. Каталогизация объектов является одним из средств обеспечения их сохранности.

Первый каталог рукописей и печатных книг библиотеки ОИДР, изданный в 1845 г. археографом П. М. Строевым,

²⁶⁷ ЗТОИДР. Ч. 2. 1824. С. 59.

состоит из трех отделов: 1. Рукописи славянские и российские (335 номеров). 2. Книги славянские и российские (845 номеров). 3. Книги и рукописи иностранные (355 номеров)²⁶⁸.

Библиографические записи расположены в алфавитном порядке и содержат сведения о библиографических объектах, включая их палеографические особенности: наименование, писчий материал (например, пергамен), тип письма (полуустав, скоропись), почерк, количество листов и страниц, в том числе степень сохранности документа; время и место происхождения манускрипта или выхода издания. Иногда приводится оглавление и указывается имя прежнего владельца рукописи или книги.

Первый отдел включает девять рукописей XIV–XV вв., 63 рукописи XVI в., 96 – XVII в.²⁶⁹; около половины манускриптов относится к XVIII столетию. Среди наиболее значимых и ценных объектов этого отдела: хронографы XVII в. (№ 280–282, 286, 287)²⁷⁰, кормчие XVI в. (№ 108, 109)²⁷¹, акты юридические (числом 240) XVI–XVII вв. (№ 335)²⁷²; памятники скриптурного и литургического жанров: евангелия XVI в. (№ 26–34)²⁷³, Кондакарь (№ 107)²⁷⁴ и Шестоднев служебный (№ 290)²⁷⁵, писанные полууставом на пергамене, относящиеся к XIV в.; служебные минеи (№ 138–145)²⁷⁶ и триоди постные (№ 265, 266)²⁷⁷ XV–XVI вв. Ценными объектами также являются памятники духовной литературы (вероучительные,

²⁶⁸ Строев П. М. Библиотека... С. IV–V.

²⁶⁹ Там же. С. IV.

²⁷⁰ Там же. С. 125–127, 128–130.

²⁷¹ Там же. С. 41.

²⁷² Там же. С. 270.

²⁷³ Там же. С. 11–12.

²⁷⁴ Там же. С. 41.

²⁷⁵ Там же. С. 130.

²⁷⁶ Там же. С. 50–51.

²⁷⁷ Там же. С. 120.

дидактические, агиографические): сборник XV в., содержащий преимущественно сочинения вероучительного характера (№ 189)²⁷⁸, Лествица XV в. (№ 126), житие Григория Омиритского XVI в. (№ 41)²⁷⁹, агиографический сборник (№ 56)²⁸⁰, ряд житий (№ 55, 301, 304, 306)²⁸¹ и Печерский патерик (№ 157)²⁸², датируемые тем же столетием.

Во втором отделе находятся библиографические данные о церковных и гражданских книгах, большинство из которых появилось в XVIII–XIX вв. В числе самых древних памятников этого отдела: «Триодь цветная», изданная в Кракове в 1491 г. (№ 1), «Евангелие напрестольное», напечатанное в Угровлахии в 1512 г. (№ 2), знаменитый «Апостол» Ивана Федорова и Петра Тимофеева, 1564 г. издания (№ 5)²⁸³. В контексте сохранения «древностей российских» представляют интерес: «Вифлиофика» Н. И. Новикова – 20 и 11 частей, изданных, соответственно, в 1788–1791 и 1876–1801 гг. (№ 173)²⁸⁴; «Софийский временник», подготовленный и затем опубликованный П. М. Строевым в 1820–1821 гг. (№ 176)²⁸⁵, и «Остромирово Евангелие 1056 г.», изданное проф. А. Х. Востоковым с параллельным греческим текстом и грамматическими комментариями в 1843 г. (№ 205)²⁸⁶.

Третий отдел содержит библиографические записи о книгах, опубликованных на латинском, немецком, французском, польском и других языках. Старинные издания

²⁷⁸ Там же. С. 65–68.

²⁷⁹ Там же. С. 15–16.

²⁸⁰ Строев П. М. Библиотека... С. 21–22.

²⁸¹ Там же. С. 20, 132–133, 134–135.

²⁸² Там же. С. 53–55.

²⁸³ Там же. С. 151.

²⁸⁴ Там же. С. 163.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же. С. 165.

представлены «Chronica regni Poloniae Mathiae de Mechovia» – «Польской хроникой» Матвея Меховия, вышедшей в Кракове в 1521 г. (№ 43)²⁸⁷, и «Religio Moscovitarum, ad serenissimum principem Ferdinandum Archi-ducem Austriae, a D. Ioanne Fabri aedita» – опубликованным в Базеле трактатом Иоганна Фабри «Религия московитов», 1526 г. (№ 255)²⁸⁸.

В конце каталога его издатель поместил два указателя: личных имен и предметный²⁸⁹.

Благодаря стараниям Е. И. Соколова в 1905 г. вышел второй каталог библиотечных манускриптов и документов, в котором библиографические записи расположены в хронологической последовательности. Каталог продолжает строевскую нумерацию (с № 336) и состоит из нескольких отделов: отделы с первого по шестой содержат описание рукописей и бумаг XV–XIX вв., седьмой – рукописей «на славянских наречиях, на иностранных и восточных языках», восьмой отдел содержит описание атласов, карт и планов²⁹⁰. Всего каталог вмещает 942 библиографические записи, за которыми следуют три приложения: 1. Бумаги Ю. И. Венелина (204 номера); 2. Бумаги О. М. Бодянского (250 номеров); 3. Бумаги А. Н. Попова (50 номеров).

Факультативные приемы библиографического описания, применявшиеся в первом выпуске, в каталоге Е. И. Соколова становятся обязательными, а палеографические комментарии – более развернутыми. Кроме того, из некоторых статей, которые содержатся в описываемых манускриптах и представляются «в

²⁸⁷ Там же. С. 233.

²⁸⁸ Там же. С. 251.

²⁸⁹ Там же. С. 277–323, 324–354.

²⁹⁰ Соколов Е. И. Указ соч. С. VIII.

каком-либо отношении любопытными», приводятся обширные цитаты²⁹¹.

Памятники допетровской эпохи представлены не изданной в ОИДР редакцией Нового летописца (№ 358)²⁹², списками Соборного уложения 1649 г. (№ 374–376)²⁹³, Разрядной книгой 1476–1559 гг. в рукописи XVII в. (№ 362)²⁹⁴, сборником того же столетия родословных «русских великих князей и бояр» (№ 364)²⁹⁵; произведениями скриптурного и литургического жанров: Евангелием-апракос XVI в. – вышедшим из служебной практики сборником недельных чтений (№ 341)²⁹⁶, служебными минеями XV в. (№ 336, 337)²⁹⁷, Октоихом (№ 343)²⁹⁸, прологами (№ 344, 345)²⁹⁹ и Триодью цветной (№ 348)³⁰⁰, датируемыми XVI в. Определенную ценность представляют агиографические памятники в рукописях XVII в. (№ 352, 353)³⁰¹.

Среди значимых манускриптов и документов Нового времени, описанных в каталоге Соколова, малороссийские акты в копиях XVIII в. (№ 382)³⁰², песни «ходячие и плясовые» Тверского и Кашинского уездов, записанные в 1852–1854 гг. (№ 792)³⁰³; записки кн. А. М. Курбского «о ходах и делах царя

²⁹¹ Там же. С. V.

²⁹² Там же. С. 112–119.

²⁹³ Там же. С. 159–159.

²⁹⁴ Там же. С. 120–122

²⁹⁵ Там же. С. 126–137.

²⁹⁶ Там же. С. 46–50.

²⁹⁷ Там же. С. 1–36; в настоящее время одна из миней датируется XIV в. См., например: Паскаль А. Д. Об ошибочной атрибуции Минеи служебной, ноябрь – декабрь, ОИДР 337 как памятника эпохи Стефана Великого // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г.) / Отв. ред. Е. Л. Конявская. М., 2019. С. 153–154.

²⁹⁸ Соколов Е. И. Указ. соч. С. 51.

²⁹⁹ Там же. С. 52–54.

³⁰⁰ Там же. С. 73–74.

³⁰¹ Там же. С. 89–95.

³⁰² Там же. С. 164.

³⁰³ Там же. С. 486.

Ивана Васильевича» в копии XIX в. (№ 645)³⁰⁴, «Начала древнечешской грамматики» П. Й. Шафарика в переводе А. А. Майкова (№ 882)³⁰⁵.

К наиболее ценным объектам седьмого отдела можно отнести копии XIX в. актов Коронной метрики (№ 894)³⁰⁶ и каталог археологических находок, обнаруженных в Северном Причерноморье, составленный И. П. Бларамбергом и вышедший в Париже в 1825 г. – «Monumens antiques decouverts dans la Nouvelle Russie, en partie dans le Chersonnese Taurique» (№ 921)³⁰⁷.

Библиотечный фонд также пополнялся рукописями памятников и научных трудов, опубликованных в периодических изданиях ОИДР.

В начале 1912 г. библиотека ОИДР вмещала около 1,5 тыс. манускриптов, свыше 4,5 тыс. историко-юридических актов и более 14 тыс. томов книг и периодических изданий³⁰⁸.

В разные годы библиотекой заведовали: М. Т. Каченовский (до 1836 г.), П. И. Артемов (1836–1837), Е. Ф. Корш (1837–1841), П. М. Строев (1841–1847), В. М. Ундольский (1847–1864), Ю. Д. Филимонов (1864–1898), Е. И. Соколов (1898–1915), К. В. Покровский (1915–1917)³⁰⁹.

Ликвидация ОИДР в 1929 г. предопределила судьбу его рукописно-книжной коллекции: она поступила в фонды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне –

³⁰⁴ Там же. С. 437–439

³⁰⁵ Там же. С. 517.

³⁰⁶ Там же. С. 522.

³⁰⁷ Там же. С. 555–556.

³⁰⁸ Демидов И. А., Ишутин В. В. Указ. соч. С. 274.

³⁰⁹ Строев П. М. Библиотека... С. III–IV; Демидов И. А., Ишутин В. В. Указ. соч. С. 273.

РГБ). Собрание манускриптов находится в Отделе рукописей РГБ, архивные материалы хранятся в Ф. 203 ОР РГБ³¹⁰.

В 1952 г. сотрудниками ОР Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина было составлено описание рукописной коллекции ОИДР, насчитывающей 1759 единиц хранения, охватывающих период с 1504 по 1899 г. Основная масса документов приходится на XVII–XVIII вв.³¹¹ Описание коллекции состоит из восьми разделов, включающих рассмотрение различных актов и делопроизводственных материалов.

Наиболее ранние упомянутые в этой библиографии памятники находятся во втором разделе, посвященном рассмотрению семейных фондов русского дворянства: две жалованные грамоты кн. Юрия Ивановича Дмитровского (1504 и 1510 гг.), данные представителям рода Ртищевых (Василию и Федору Васильевичам) на г. Корчемль и волость Белый город в кормленье. Всего раздел вмещает 713 единиц хранения, завершающихся 1825 г.³¹²

Среди документов первого раздела (399 ед. хр. за 1640–1703 гг.) присутствуют отписки и поручные записи воевод, управлявших южными городами России³¹³. В третьем разделе (166 ед. хр.) перечисляются выписи из писцовых, межевых и отказных книг уездных городов XVI столетия³¹⁴. Четвертый раздел содержит описание документов, касающихся розыска беглых крестьян в XVII–XVIII вв.³¹⁵ Пятый раздел посвящен челобитным Холмогорской епархии и царским грамотам о разделе земель между монастырями (40 ед. хр. за 1711–1759

³¹⁰ Демидов И. А., Ишутин В. В. Указ. соч. С. 274, 251.

³¹¹ Голубцова Е. И., Ошанина Е. Н. Указ. соч. С. 4.

³¹² Там же. С. 12, 7.

³¹³ Там же. С. 4–7.

³¹⁴ Там же. С. 16–17.

³¹⁵ Там же. С. 17–21.

гг.)³¹⁶. В шестом и седьмом разделах дана характеристика малороссийским документам (содержат переписку И. И. Скоропадского и Ф. И. Протасьева с гос. канцлером, гетманские универсалы, материалы Киевской духовной академии и др.)³¹⁷. Восьмой раздел (43 ед. хр.) включает подробное описание материалов и деловых писем Российско-Американской компании за период с 1790 по 1823 г.³¹⁸

Коллекцией памятников материальной культуры, представленной преимущественно нумизматическим собранием, заведовал библиотекарь ОИДР. В 1835 г. М. Т. Каченовский составил для минц-кабинета первый каталог, представляющий собой простой хронологически упорядоченный перечень всех накопившихся в кабинете артефактов³¹⁹. При составлении каталога Каченовский следовал традиционному для того времени взгляду на периодизацию памятников, выделив в нумизматическом перечне «монеты новые» (с нач. XVIII в.)³²⁰.

Благодаря трудам А. Д. Черткова, стоявшего у истоков научной классификации древнерусских монет, можно составить представление о принципах каталогизации нумизматической коллекции ОИДР. Одним из мотивов, побудивших Черткова составить научное описание монет, было желание навести в минц-кабинете ОИДР порядок, отсутствовавший в нем на протяжении тридцати лет, что

³¹⁶ Голубцова Е. И., Ошанина Е. Н. Указ. соч. С. 21–23.

³¹⁷ Там же. С. 23–25.

³¹⁸ Там же. С. 25–29.

³¹⁹ Кабинет медалей, монет и других древностей // ТЛОИДР. 1837. Ч. 8. С. 325–331.

³²⁰ Там же. С. 326.

превращало все его нумизматическое собрание «в безгласную грудю денежек»³²¹.

В каталоге Черткова описано 434 объекта, которые он классифицировал по историко-географическому принципу, следуя немецкому востоковеду Х. Д. Френу³²²: монеты Великого княжества Московского 1353–1547 гг. (серебряные: № 4–142; медные: № 1–3)³²³, монеты Великого княжества Тверского 1367–1485 гг. (серебряные: № 143–148, 150–156, 170–182, 208, всего 27; медные: № 149, 167–169, 183–207, 209–213, всего 34)³²⁴, монеты Великого княжества Рязанского 1429–1483 гг. (серебряные: № 214–219; медные: № 220)³²⁵, монеты удельных князей (серебряные: № 221–263, 265–283, 285, всего 63; медные: № 264, 284)³²⁶, монеты новгородские и псковские (серебряные: № 286–308, 312–320, всего 32; медные: № 309–311)³²⁷ и монеты неопределенные (серебряные: № 312–334, 337–429, всего 116; медные: № 335, 336, 430–434)³²⁸.

Каталожные записи содержат описание аверса, реверса и веса монеты в гранах. Каждый раздел снабжен примечаниями и характеристикой общих признаков монетной системы того или иного историко-территориального подразделения. В качестве приложений каталог имеет схему родословия некоторых князей московских³²⁹, указатель имен, названий и

³²¹ Фролова М. М. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М., 2007. С. 227; Чертков А. Д. Описание древнерусских монет. М., 1834. С. VIII.

³²² Фролова М. М. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М., 2007. С. 228.

³²³ Чертков А. Д. Описание древнерусских монет. М., 1834. С. 1–68.

³²⁴ Чертков А. Д. Описание древнерусских монет. М., 1834. С. 71–100.

³²⁵ Там же. С. 103–108.

³²⁶ Там же. С. 111–140.

³²⁷ Там же. С. 143–152.

³²⁸ Там же. С. 155–185.

³²⁹ Там же. С. 196.

предметов³³⁰ и таблицы с изображениями аверса и реверса описываемых монет³³¹.

По данным каталога М. Т. Каченовского, к 1835 г. в минц-кабинете ОИДР скопилось 809 монет российских царей «до Петра Великого включительно» (серебряных 657)³³², 303 восточные монеты (серебряных 42), 62 древние монеты (римских 48), 246 европейских монет, 5 индейских монет и одна североамериканская монета³³³. Также в кабинете насчитывалось 9 золотых и 96 серебряных российских медалей, 36 медалей из других металлов и лигатурных и 23 иностранные медали³³⁴. Кроме того, в минц-кабинете находилось 23 иконы (включая кресты) и 47 предметов материальной культуры (слитков, сосудов, печатей, оттисков, изображений, портретов и др. вещей)³³⁵.

К концу XIX в. коллекции минц-кабинета ОИДР увеличились в 3,5 раза и насчитывали в общей сложности 8000 предметов³³⁶. При этом на исходе столетия нумизматическая коллекция Русского археологического общества (далее - РАО) составляла 6000 экземпляров, а минц-кабинет Одесского общества истории и древностей (далее - ООИД) вмещал свыше 13 000 монет и 200 медалей (включая жетоны и знаки отличия)³³⁷.

³³⁰ Там же. С. 203-224.

³³¹ Там же. С. 226-253.

³³² Кабинет медалей, монет и других древностей... С. 326.

³³³ Там же. С. 329-330.

³³⁴ Там же. С. 325.

³³⁵ Там же. С. 330-331.

³³⁶ Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков: сборник документов и материалов / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М., 2010. С. 153.

³³⁷ История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846-1896 / Сост. Н. И. Веселовский. СПб., 1900. С. 326-337; Наріжний С. Одеське товариство історії й старовини // Праці Українського історично-філологічного

Таким образом, в результате коллекционной деятельности ОИДР появились ценные по своему составу коллекции, по количественным характеристикам занимающие достойное место среди коллекций современных ему российских научно-исторических обществ, что стоит рассматривать как весомый вклад в сохранение документального наследия и движимых памятников материальной культуры.

Актуализация средневековой русской культуры и комплекса письменных памятников посредством археографической деятельности, сохранение документального (рукописно-книжного) наследия и движимых памятников материальной культуры путем коллекционирования стали основными направлениями памятникоохранной деятельности Общества истории и древностей российских.

ГЛАВА III. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ОИДР КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ВКЛАД В КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

§1. Научно-исследовательская деятельность ОИДР в сфере изучения письменного наследия. Научные труды по истории России и славянских народов

Помимо археографической деятельности, т. е. издания исторических источников, Общество истории и древностей российских занималось и специальным изучением их – различными источниковедческими исследованиями, стимулирующими развитие вспомогательных исторических дисциплин. Опубликованные в ОИДР памятники древнерусской письменности и литературы становились объектами критического исследования.

Археографу и библиографу П. М. Строеву принадлежит особый вклад в изучение древнерусского летописания. Следуя своему представлению о летописях как о сборниках различных, зачастую не дошедших до нас текстов, он установил, что одним из источников для составления Начальной русской летописи послужил византийский хронограф IX в. – Хроника Георгия Амартола³³⁸. Анализируя текст этого памятника, Строев обнаружил семь фрагментов, заимствованных русским летописцем у византийца³³⁹.

³³⁸ Строев П. М. О византийском источнике Нестора // ТЛОИДР. 1828. Ч. 4, кн. 1. С. 167-183.

³³⁹ Там же. С. 176.

Заметный вклад в дальнейшую разработку строевской теории летописного сборника внес И. Д. Беляев. В подробностях летописного повествования о крещении Владимира он увидел заимствования из неизвестных народу «других источников» и пришел к выводу, что изложение полемики против ересей, присутствующее в корсунском катехизисе, «мог написать только византиец X века»³⁴⁰.

В рамках этой теории Беляев предпринял попытку выявления летописных источников путем компаративного анализа сохранившихся сборников: например, таких сводов, как Лаврентьевская и Ипатьевская летописи³⁴¹. Он предложил первую классификацию летописей, выделив летописи государственные, частные, монастырские и литературные, или летописи-сборники. Последние представляют собой компиляции древних (зачастую утраченных) памятников и первобытных, неизвестных нам вне этих сборников летописей³⁴².

Разложение летописных сборников-сводов на входящие в их состав источники впоследствии было методологически усовершенствовано К. Н. Бестужевым-Рюминым и получило в историографии наименование «метода расшивки»³⁴³.

Настоящий переворот в исследовании древнерусского летописания произвел филолог А. А. Шахматов. В его трудах понятие летописного свода получило другую интерпретацию:

³⁴⁰ Беляев И. Д. О Несторовой летописи // ЧОИДР. 1847. Год 2. Кн. 5, отд. 1. С. 38, 39.

³⁴¹ Беляев И. Д. Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1169 г. // ВОИДР. 1849. Кн. 2, отд. 1. С. 1-26.

³⁴² Беляев И. Д. О разных видах русских летописей // ВОИДР. 1850. Кн. 5, отд. 1. С. 1-34.

³⁴³ Вовина-Лебедева В. Г. К истории летописных сборников XVII-XVIII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 110.

своды стали рассматриваться не как компиляции (хотя бы и творческие) разнообразного исторического материала, а как гипотетически реконструируемые «общие протографы реально сохранившихся летописей»³⁴⁴. В своей работе, посвященной изучению Начального киевского летописного свода, он попытался разрешить вопрос о составе свода ПВЛ: собраны ли его материалы «последним редактором этого свода или часть их входила в состав другого более древнего свода, легшего в основание Повести вр. лет»?³⁴⁵

Важным компонентом феномена летописания являются хронологические системы. Ряд исследований ОИДР был посвящен историко-хронологическим изысканиям в древнерусских летописях³⁴⁶. В результате исследований летописной хронологии математик Н. В. Степанов пришел к заключению о сосуществовании в Древней Руси двух стилей летоисчисления – мартовского и ультрамартовского³⁴⁷.

В связи с переизданием в 1843 г. пространной редакции Русской Правды в повременных изданиях ОИДР стали появляться различные исследования памятников древнерусского законодательства. Так, археограф Д. Н. Дубенский представил текстологический анализ Щлецеровского списка Русской Правды³⁴⁸. А. В. Семенов поделился результатами компаративного изучения

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Шахматов А. А. О Начальном киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3, отд. 3. С. 39.

³⁴⁶ Беляев И. Д. Хронология Нестора и его продолжателей // ЧОИДР. 1846. Год 2. Кн. 2, отд. 1. С. 23–38; Хавский П. В. Хронология вообще, и в особенности хронология Нестора и его продолжателей // ЧОИДР. 1847. Год 3. Кн. 3, отд. 4. С. 41–45; Дубенский Д. Н. О некоторых годах Несторовой летописи // ВОИДР. 1855. Кн. 21, отд. 1. С. 1–16; Степанов Н. В. Единицы счета времени (до XIII в.) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // ЧОИДР. 1909. Кн. 4, отд. 3. С. 1–74.

³⁴⁷ Степанов Н. В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // ЧОИДР. 1910. Кн. 4, отд. 3. С. 1–40.

юридических памятников Великого княжества Литовского и восточной Руси. Сравнивая правовые нормы Литовских статутов 1529 и 1588 гг. с юридическими нормами Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 гг. и Соборного уложения 1649 г., он пришел к заключению, что обычное русское право «постоянно сохранялось одинаково как в восточной, так и в западной Руси», что правовые нормы тех и других памятников «заимствованы из одного родного источника»³⁴⁹.

Памятникам древнерусского права были посвящены и фундаментальные исследования. Проф. Н. В. Калачов, занимавшийся изучением различных редакций Русской Правды, попытался выяснить значение Кормчей в системе древнерусского законодательства³⁵⁰. Калачов пришел к выводу, что юридические памятники, составляющие Кормчую, имели на Руси полифункциональное значение. В составе этого сборника он выделил три основных компонента: 1) статьи, представляющие собой источники права – византийские и древнерусские, включая Русскую Правду и Закон судный людям; 2) статьи практического значения при использовании Кормчей в духовном судопроизводстве; 3) статьи, ставшие источниками светского законодательства в допетровской Руси³⁵¹.

Проф. П. Н. Мрочек-Дроздовский опубликовал в ОИДР несколько приложений ко 2-му выпуску своего обширного труда «Исследование о Русской Правде» (выпуск посвящен

³⁴⁸ Дубенский Д. Н. Об Ярославовой правде XI-го в. // ЧОИДР. 1846. Год 2. Кн. 2, отд. 1. С. 1-22.

³⁴⁹ Семенов А. В. О сходстве древних узаконений восточной и западной Руси // ВОИДР. 1854. Кн. 19, отд. 1. С. XI.

³⁵⁰ Калачов Н. В. О значении Кормчей в системе древнего русского права // ЧОИДР. 1847. Год 3. Кн. 3, отд. 1. С. 1-128; Кн. 4, отд. 1. С. 1-80.

³⁵¹ ЧОИДР. 1847. Год 3. Кн. 3, отд. 1. С. 15-16.

ОИДР)³⁵². Анализируя структуру, содержание и выводы «Исследования», можно согласиться с М. Н. Тихомировым в оценке труда Мрочек-Дроздовского как справочного, носящего компилятивный характер, повторяющего выводы Э. К. Тобина и Н. И. Ланге³⁵³.

В своих источниковедческих исследованиях ОИДР не обошло вниманием и литературные памятники Древней Руси. Крупнейшим научным трудом в сфере изучения древнерусской литературы стала трехтомная монография Е. В. Барсова, посвященная «Слову о полку Игореве»³⁵⁴.

Первый том включает библиографию памятника, критический обзор касающихся его исследований на русском и иностранных языках (1800–1882), изучение проблемы авторства «Слова» и сравнение его со средневековыми произведениями различного жанра. Заслуживает внимания сравнение этого памятника с летописями, с которыми он обнаруживает сходство «не только по изображениям внутреннего уклада» дружинно-княжеской Руси, «но и по языку, по тону речи, по образам и выражениям»³⁵⁵.

Во втором томе представляет интерес «палеографическая критика» текста «Слова». Барсов рассматривает 41 «темное место», подробно останавливаясь на интерпретации некоторых слов. В словах «растекашеся мыслию по древу» он признает наиболее вероятной конъектуру, предполагающую под

³⁵² П. Н. Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русской Правде. Приложения ко 2-му вып. // ЧОИДР. 1886. Кн. 1, отд. 4. С. 1-247.

³⁵³ М. Н. Тихомиров. Указ. соч. С. 20.

³⁵⁴ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. С новыми неизвестными приложениями // ЧОИДР. 1883. Кн. 1, отд. 4. С. 1-212; ЧОИДР. 1884. Кн. 2, отд. 4. С. 213-248; Кн. 3, отд. 4. С. 429-462; ЧОИДР. 1885. Кн. 3, отд. 4. С. 1-64; Кн. 4, отд. 4. С. 65-128; ЧОИДР. 1886. Кн. 3, отд. 4. С. 129-298; ЧОИДР. 1889. Кн. 2, отд. 2. С. 1-537.

³⁵⁵ ЧОИДР. 1884. Кн. 2, отд. 4. С. 291.

«мыслию» какого-либо зверька, «способного растекаться по древу», – мысль, т. е. белку³⁵⁶. Предположение Л. В. Соколовой о замене одним из переписчиков диалектного слова «мысль» (белка) на фонетически близкое к нему слово «мысль» выглядит весьма убедительным³⁵⁷.

Третий том представляет собой опыт первого фундаментального словаря лексики «Слова», доведенного до буквы «М» включительно³⁵⁸.

Некоторые публикации памятников древнерусской литературы в ОИДР перерастали в публикации-исследования: по объему и составу исследовательской части в них они представляют собой полноценные источниковедческие работы. На проблему определения границ понятия «археографическая публикация» обратил внимание современный археограф Е. М. Добрушкин, указавший на необходимость отграничения археографических публикаций от «уже не археографических»³⁵⁹. В публикации-исследовании значительную часть занимает не текст памятника, а его историко-литературный и текстологический анализ. Кроме того, реконструкция текста исчезнувшего памятника и его интерпретация «в целях монографического исследования» квалифицируется как научно-исследовательская работа в отличие от археографической³⁶⁰.

³⁵⁶ ЧОИДР. 1885. Кн. 4, отд. 4. С. 128.

³⁵⁷ Соколова Л. В. Мысль // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 3. К-О. С. 295.

³⁵⁸ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве... Т. 3. Лексикология «Слова». А-М // ЧОИДР. 1889. Кн. 2, отд. 2. С. 1-537.

³⁵⁹ Добрушкин Е. М. О границах понятия «археографическая публикация» (К постановке вопроса). Б. м., б. г. // Открытый текст. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/arkheography/metod/index.html?id=6870> (дата обращения: 12.02.2020).

³⁶⁰ Там же.

Публикация «Домостроя» А. С. Орловым «по Коншинскому списку и подобным» (3-е издание памятника в ОИДР) стала настоящим фундаментальным исследованием, в котором археографические описания списков памятника, их генеалогия и характеристика, комментарии к разночтениям списков и алфавитные перечни слов с ударениями почти в пять раз превышают объем текста самого памятника³⁶¹.

Другим направлением научно-исследовательской деятельности Общества истории и древностей российских стала разработка проблем общеславянской и отечественной истории. Это направление включает в себя несколько субнаправлений.

1. История расселения славянских племен.

Сочинение К. Ф. Калайдовича «Краткий чертеж народов славянских» стало классическим трудом в историографии славяноведения³⁶². Оригинальным дополнением к последнему послужило исследование чешского слависта П. Й. Шафарика о расселении славянских народов на территории Европы и России. При составлении своего труда Чешский ученый пользовался не только летописными данными (как и его предшественник), но и сведениями, почерпнутыми из древнейшего источника – «Географических записок» Мюнхенской рукописи (XI в.)³⁶³.

В своей магистерской диссертации болгарский историк М. С. Дринов представил исследование поэтапной славянизации

³⁶¹ Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным // ЧОИДР. 1908. Кн. 2, отд. 2. С. 1-104, 1-171; ЧОИДР. 1911. Кн. 1, отд. 2. С. 1-140.

³⁶² К. Ф. Калайдович. Краткий чертеж народов славянских, обитавших на местах нынешней России, до пришествия русских князей в Новгород // ЗТОИДР. 1815. Ч. 1. С. 145-158.

³⁶³ П. Й. Шафарик. Славянские племена в нынешней России // РИС. 1838. Т. 1, кн. 4. С. 39-97.

Балканского полуострова³⁶⁴. Начало его заселения славянами он относит к III в., в течение которого они «составили главное ядро варварского мира на Нижнем Дунае» и вторглись в римские владения на Балканах³⁶⁵.

2. Истоки Древнерусского государства и его история в домонгольский период.

У истоков этого научно-исследовательского субнаправления стояли К. Ф. Калайдович³⁶⁶ и Н. С. Арцыбашев. Последний предпринял попытку выяснения этнического состава населения древнерусских земель, классифицируя его на основе летописных данных, и пришел к заключению, что первобытные представители племени «Русь» составляли «вид шведов»³⁶⁷. Критическим продолжением этих трудов стала университетская работа А. Л. Дювернуа, посвященная выяснению генезиса «Варяг-Руси» с помощью компаративно-лингвистического анализа собственных имен, употребляющихся в европейских и восточных источниках. Ученый согласился с мнением прежних исследователей о норманнском происхождении «Варяг-Руси», однако отказался связать этимологию имени «Русь» с финским словом «ruotsi»³⁶⁸.

Начальный этап истории Русского государства рассмотрен в ряде работ И. Д. Беляева, склонного к интерпретации событий отечественной истории с точки зрения теории «общинного быта»³⁶⁹. Впоследствии М. К. Любавский подверг

³⁶⁴ Дринов М. С. Заселение Балканского полуострова славянами // ЧОИДР. 1872. Кн. 4, отд. 1. С. 1-175.

³⁶⁵ Там же. С. 83.

³⁶⁶ Калайдович К. Ф. Разыскание о пришествии Рюрика в Ладогу // ЗТОИДР. 1815. Ч. 1. С. 114-129.

³⁶⁷ Арцыбашев Н. С. О начале России // ТЛОИДР. 1828. Ч. 1, кн. 1. С. 65.

³⁶⁸ Дювернуа А. Л. О происхождении «Варяг-Руси» // ЧОИДР. 1862. Кн. 4, отд. 1. С. 49.

³⁶⁹ Беляев И. Д. Русская земля перед прибытием князя Рюрика в Новгород // ВОИДР. 1850. Кн. 8, отд. 1. С. 1-120; Его же. Князь Рюрик с

критике идею Беляева о соответствии пределов древнерусских «земель» племенному делению восточных славян, отметив, что внимательное изучение пределов русских «земель» показывает, что они были не племенными союзами, а «чисто политическими»³⁷⁰. Однако, как заметил современный исследователь А. А. Горский, тезис о соответствии «земель» племенным союзам «не исчез из историографии»³⁷¹.

3. Общественно-политическая история западнорусских земель.

Проблемам изучения общественно-политической истории Литовской Руси посвящен ряд исследований М. К. Любавского³⁷². История западнорусских земель ему видится «прямым продолжением» и «дальнейшим развитием истории Киевской Руси». Выявляя архаические черты и традиции в жизни Литовского государства, Любавский применил ретроспективный метод для «понимания русского исторического процесса в древнейший его период»³⁷³. В приложениях к своему обобщающему труду по истории

братьями и дружиной // ВОИДР. 1852. Кн. 14, отд. 1. С. 1-32; Его же. Русь в первые сто лет от прибытия Рюрика в Новгород // ВОИДР. 1852. Кн. 15, отд. 1. С. 1-160.

³⁷⁰ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 78-79.

³⁷¹ Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 139.

³⁷² Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства // ЧОИДР. 1892. Кн. 3, отд. 4. С. 1-62; Кн. 4, отд. 4. С. 63-296; ЧОИДР. 1893. Кн. 3, отд. 3. С. 297-764; Кн. 4, отд. 3. С. 765-884; Его же. Литовско-Русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства // ЧОИДР. 1900. Кн. 4, отд. 3. С. 1-508; ЧОИДР. 1901. Кн. 2, отд. 3. С. 509-850; Кн. 4, отд. 3. С. 1-232; Его же. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям // ЧОИДР. 1911. Кн. 1, отд. 3. С. 1-376.

³⁷³ Его же. Очерк истории Литовско-Русского государства... // ЧОИДР. 1911. Кн. 1, отд. 3. С. 1-2.

Литовской Руси он опубликовал привилеи, выданные государству и его областям с 1413 по 1569 г.³⁷⁴

4. Политическая и социально-экономическая история Московского государства и присоединенных к нему земель.

Важным исследованием в рамках этого субнаправления стал труд И. Д. Беляева, анализирующий экономику Московского государства в XIV–XVI вв. в двух аспектах: 1) во внутри- и внешнеполитических отношениях московских князей, 2) в поземельном и административном делении государства³⁷⁵.

Вопросам земского самоуправления в одной из периферийных областей Московского государства – Поморье, была посвящена докторская диссертация М. М. Богословского³⁷⁶. Автор сформулировал ключевой тезис своего исследования: «Земское представительство в центре служило неизбежным завершением местных, уездных и волостных автономий»³⁷⁷.

5. Административно-территориальные реформы в Российской империи в XVIII в.

Это научно-исследовательское субнаправление представлено диссертациями Ю. В. Готье и М. М. Богословского. Первая рассматривает историю областного управления с 1727 по 1775 г.³⁷⁸, вторая посвящена

³⁷⁴ Там же. С. 297–376.

³⁷⁵ Беляев. И. Д. О доходах Московского государства // ЧОИДР. 1884. Кн. 4, отд. 4. С. 1–64; ЧОИДР. 1885. Кн. 1, отд. 4. С. 65–112; Кн. 2, отд. 4. С. 112–144; ЧОИДР. 1907. Кн. 3, отд. 4. С. 145–168.

³⁷⁶ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. // ЧОИДР. 1910. Кн. 1, отд. 2. С. I–VIII, 1–321, 1–105; ЧОИДР. 1912. Кн. 2, отд. 2. С. I–IV, 1–311; Кн. 3, отд. 3. С. 1–45, 1–30.

³⁷⁷ ЧОИДР. 1912. Кн. 2, отд. 2. С. 260.

³⁷⁸ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II // ЧОИДР. 1913. Кн. 1, отд. 2. С. I–IV, 1–322; Кн. 2, отд. 4. С. 322–472.

«провинциальной» реформе территориального управления в 1719–1727 гг.³⁷⁹

Кроме того, ОИДР публиковало фундаментальные исследования комплексного характера. Отдельным изданием вышел обширный труд Н. С. Арцыбашева «Повествование о России», составленный по летописному принципу непосредственным переложением текстов³⁸⁰. Другим крупнейшим многотомным изданием стала публикация «Истории русской церкви» Е. Е. Голубинского³⁸¹.

В результате прекращения выхода в свет изданий ОИДР с 1918 г. основной формой его деятельности становится дискуссионная, реализованная в ходе обсуждения научных докладов.

Часть докладов относится к источниковедческим исследованиям: С. К. Шамбинаго. «Иоакимовская летопись» (27.03.1923); К. А. Стратонитский. «Создатели Русской Правды» (30.01.1923); А. А. Шемшурин. «О Мстиславовом Евангелии» (08.07.1921). Н. Н. Ардашев. «Основы археографии: Проблема описания документов» (23.10.1920)³⁸².

Доклады, которые можно отнести к различным направлениям отечественной истории: Ю. В. Готье. «Ранняя славянская колонизация в Верхнем Поволжье» (15.01.1929); М. К. Любавский. «Начальная колонизация в Новгородской области» (23.10.1928)³⁸³; М. К. Любавский. «Литва и славяне в

³⁷⁹ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. // ЧОИДР. 1902. Кн. 3, отд. 3. С. I–XVI, 1–208; Кн. 4, отд. 3. С. 209–522, 1–46.

³⁸⁰ Арцыбашев Н. С. Повествование о России: в 4 т. М., 1838–1843.

³⁸¹ ЧОИДР. 1901. Кн. 3. С. I–XXIV, 1–968; ЧОИДР. 1904. Кн. 2. С. I–IV, 1–480; Кн. 3. С. 481–926, I–XVIII; ЧОИДР. 1906. Кн. 2. С. 1–32, LXIII; ЧОИДР. 1900. Кн. 1. С. I–VIII, 1–919.

³⁸² Бухерт В. Г. Указ. соч. С. 162–163.

³⁸³ Там же. С. 165.

XI–XII веках» (14.02.1928)³⁸⁴; А. И. Соболевский. «Начало Москвы» (12.03.1921); М. К. Любавский. «Возвышение Москвы и присоединение к ней великого княжения Владимирского» (11.05.1925)³⁸⁵; М. К. Любавский. «К истории колонизации Малорусской Украины» (29.01.1921, 12.02.1921)³⁸⁶; А. И. Соболевский. «Новые труды по древнейшей истории России» (20.11.1928)³⁸⁷.

Таким образом, в источниковедческих исследованиях ОИДР приоритет отдавался изучению памятников древнерусской письменности и литературы как объектам, репрезентирующим культурный код Древней Руси. ОИДР внесло свою лепту:

- в разработку теории летописного свода, понимаемого на рубеже XIX–XX вв. как гипотетически реконструируемый общий протограф сохранившихся летописей;

- в открытие двойного летоисчисления (мартовского и ультрамартовского) в летописных хронологических системах;

- в обоснование идеи о перманентном сохранении обычного русского права на землях, причастных к наследию Киевской Руси;

- в детальный и углубленный источниковедческий и текстологический анализ литературных памятников Древней Руси, показавший их тесную связь с произведениями летописного жанра.

Научные труды ОИДР по истории России и славянских народов в своей совокупности представляют комплексное исследование отечественной истории как в тематическом, так

³⁸⁴ Бухерт В. Г. Указ. соч. С. 164.

³⁸⁵ Там же. С. 162–163.

³⁸⁶ Там же. С. 162.

³⁸⁷ Там же. С. 165.

и в хронологическом плане – начиная с вопросов изучения расселения славянских племен и поиска истоков Древнерусского государства и заканчивая анализом реформ XVIII столетия.

Согласно «Основам законодательства Российской Федерации о культуре», к культурным ценностям, в частности, относятся «результаты и методы научных исследований культурной деятельности»³⁸⁸, в том числе и той, что запечатлена на страницах прошлого.

Таким образом, научные труды ОИДР в сфере изучения письменного наследия и разработки предметов общеславянской и отечественной истории являют собой культурную ценность научного характера и потому их следует рассматривать как интеллектуальный вклад в культурное наследие России и славянских народов.

§ 2. Исследования памятников материальной культуры

Научно-исследовательская деятельность Общества истории и древностей российских в сфере изучения материальной культуры представлена публикациями по археологии и нумизматике. Археологические публикации посвящены исследованию поселенческих, погребальных и культовых памятников, а также памятников специфического

³⁸⁸ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (с изменениями и дополнениями): закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-1. Б. м., б. г. // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/104540/5ac206a89ea76855804609cd950fcaf7/> (дата обращения: 07.05.2020).

вида – предметов, обнаруженных при раскопках на объектах археологического наследия.

Важнейшим вкладом в становление отечественной археологии стали труды З. Доленга-Ходаковского (подлинное имя – Адам Чарноцкий), результаты которых были опубликованы М. П. Погодиным³⁸⁹. В 1820–1822 гг. Ходаковский предпринял путешествие по северо-западу России, проведя обследования и раскопки поселенческих и погребальных памятников. По мнению исследователя, в дохристианскую эпоху поселения формировались вокруг языческих святилищ. Теория городищ Ходаковского была подвергнута критике К. Ф. Калайдовичем, который выступил против подобной интерпретации, рассматривая городища как остатки огражденных поселений³⁹⁰.

В ходе исследования новгородских погребальных памятников Ходаковский высказал предположение, что местные сопки появились еще до расселения на этой территории славянских племен³⁹¹. Он предпринял попытку научного описания сопок с выделением общих признаков этой категории погребальных памятников: «Сопки везде имеют одинаковый, конический вид и различествуют в наружности только величиною. Высота некоторых доходит до 4-х и 5-ти сажень. Они неотступно придерживаются воды по берегам и всем изгибам рек и речек»³⁹².

³⁸⁹ Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога, Новгород // РИС. 1838. Т. 3, кн. 2. С. 131–200; Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Доленга-Ходаковского. Из Москвы 13-го Липца 1822 // РИС. 1844. Т. 7. С. 1–378.

³⁹⁰ Историческая система Ходаковского // РИС. 1837. Т. 1, кн. 3. С. 18–19.

³⁹¹ РИС. 1838. Т. 3, кн. 2. С. 145–146.

³⁹² Там же. С. 146.

Согласно Г. С. Лебедеву, главным исследовательским методом Ходаковского стал «сбор сведений о городищах и окружающей микротопонимике»³⁹³. Опираясь на результаты изучения картографических материалов и полевых исследований, Ходаковский составил словарь географических названий, полагая, что он «откроет поле для размышлений археолога, географа и историка»³⁹⁴. Заслуга Ходаковского, как считает А. А. Формозов, состоит в том, что он увидел в археологических памятниках исторический источник³⁹⁵.

Источниковедческий подход к изучению археологических памятников З. Доленги-Ходаковского нашел свое продолжение в трудах В. В. Пассека, искавшего «другие исторические пособия», которые бы дополняли и интерпретировали летописные данные³⁹⁶. В 1838–1839 гг. он обследовал курганы и городища в уездах Южной России, руководствуясь тремя методологическими принципами: картографическим (картографирование всех исследуемых объектов), культурологическим (заключение о быте народа «по найденным вещам и обычаю погребения») и комплексным (выяснение «отношения статуй и каменных баб к курганам и городищам»)³⁹⁷.

Изучением оренбургских древностей занимался А. К. Кочуев, подробно описавший укрепления, обнаруженные на

³⁹³ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992. С. 66.

³⁹⁴ РИС. 1844. Т. 7. С. 38.

³⁹⁵ Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 58.

³⁹⁶ Пассек В. В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // РИС. 1838. Т. 3, кн. 2. С. 202.

³⁹⁷ РИС. 1838. Т. 3, кн. 2. С. 207.

правом берегу р. Белой и вошедшие в современные каталоги под именем Дуванейских и Калининковских городищ³⁹⁸.

Исследование и научное описание погребальных и культовых памятников Северного Причерноморья принадлежит археологу А. В. Терещенко, составившему отчет об археологических изысканиях, проведенных им в 1852–1854 гг. на территориях Екатеринославской губернии и Таврии³⁹⁹. Изучая курганы, выстроившиеся цепочками по берегам рек и водоразделов, исследователь пришел к выводу, что «курганы представляют собой не только древние могилы – но некоторые из них, прямолинейно насыпанные на водоразделах, являются еще и сторожевыми насыпями», которые «равномерно тянутся к самому морю»⁴⁰⁰. Результаты раскопок археологом Александропольского кургана послужили основанием для доисследования его экспедицией Института археологии НАН Украины в 2004–2009 гг. В научный оборот введены подробные данные обо всех находках и открытиях, сделанных Терещенко⁴⁰¹.

Отдельные публикации посвящены изучению камней и культовых изваяний, содержащих памятники эпиграфики. Увлекавшийся археологией краевед Ф. Н. Глинка опубликовал статью с описанием нескольких валунов, обнаруженных им в Тверской губернии, имеющих изображения крестов и других

³⁹⁸ Кочуев А. К. Древности Оренбургской губернии // ВОИДР. 1853. Кн. 16, отд. 3. С. 28–37; см., например: Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О. Н. Бадер. М., 1976. С. 118, 97.

³⁹⁹ Терещенко А. В. О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губерниях // ЧОИДР. 1866. Кн. 4, отд. 5. С. 1–37.

⁴⁰⁰ Цит. по: Супруненко О. Б. Олександр Терещенко. Полтава, 1997. Препринт. Вып. 11. С. 7.

⁴⁰¹ Полин С. В., Алексеев А. Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Серия «Курганы Украины». Киев–Берлин, 2018. Т. 6. С. 478–486, 531–535.

символов⁴⁰². По мнению исследователей, некоторые из этих валунов являются межевыми камнями⁴⁰³. В своей работе о статуе Чернобога П. Й. Шафарик согласился с выводами слависта Я. Коллара, что каждая из двух статуй Бамбергского идола содержит написанный рунами теоним «CARNI BU»⁴⁰⁴. Однако польский славист Я. Лецеjewский, ссылаясь на свидетельство В. Цибульского (что предполагаемые руны были не чем иным, как «случайными царапинами и выбоинами» разрушающегося под воздействием эрозии камня), посчитал надпись несуществующей. Вместе с тем он отметил, что это свидетельство «заслуживает проверки»⁴⁰⁵.

Кроме того, в изданиях ОИДР публиковались описания археологических предметов (с рисунками), найденных случайно или при раскопках, связанных с хозяйственными нуждами⁴⁰⁶.

Начало нумизматическим исследованиям в ОИДР положила полемика об интерпретации и атрибуции Черниговской гривны – золотого амулета-змеевика, обнаруженного в 1821 г. на р. Белоус. Своими соображениями поделились Я. И. Санглен и Г. Варвинский. Первый опубликовал статью, в которой представил основные тезисы двух диссертаций филолога-нумизмата К. С. Моргенштерна. Санглен согласился с выводом немецкого коллеги, что

⁴⁰² Глинка Ф. Н. Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии и Бежецком уезде // РИС. 1837. Т. 1, кн. 2. С. 13–24, 29.

⁴⁰³ См., например: Авдеев А. Г. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси: дис. ... док. ист. наук. М., 2018. Т. 1: Исследование. С. 158–159.

⁴⁰⁴ Шафарик П. Й. Подobie (статуя) Чернобога в Бамберге // РИС. 1837. Т. 1, кн. 1. С. 51–81.

⁴⁰⁵ Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki słowiańskie oprac Jan Leciejewski. Lwów-Warszawa, 1906. S. 40.

⁴⁰⁶ См., например: Древние вещи, найденные в Лихвинском уезде // ВОИДР. 1850. Кн. 5, отд. 3. С. 36–39.

черниговский медальон выбит «в память торжества христианской веры над идолопоклонством в России при Владимире I»⁴⁰⁷. Г. Варвинский обратил внимание на неправильность написания некоторых греческих слов на аверсе и реверсе медали, предположив, что «несоблюдение правописания» связано с произошедшей за столетия у греков лингвистической трансформацией⁴⁰⁸.

В дискуссию вступил митр. Евгений (Болховитинов), занимавшийся изучением находки с момента ее появления. По его мнению, медаль представляет собой амулет синкретического (языческо-христианского) происхождения. «Безошибочность по древнему словенскому правописанию» и ошибки в греческой надписи свидетельствуют, что артефакт принадлежит работе русского мастера, не знающего греческого языка. Болховитинов также отметил, что читаемое в русской надписи крестильное имя «Василий» указывает на принадлежность медали Владимиру Великому или Владимиру Мономаху⁴⁰⁹. Обнаружение подобного амулета в Рязанской губернии лишь подтвердило правильность выводов Болховитинова⁴¹⁰.

Полисемантический термин «гривна» стал предметом изучения Ф. Карецкого. На основании летописных данных и анализа употребления этого термина в славянском переводе

⁴⁰⁷ Санглен Я. И. О медали, найденной в Чернигове // ТЗОИДР. 1826. Ч. 3, кн. 1. С. 119.

⁴⁰⁸ Варвинский Г. О надписи на Черниговской медали // ТЗОИДР. 1826. Ч. 3, кн. 1. С. 126-130.

⁴⁰⁹ Болховитинов Е. А. Замечания о Черниговской гривне // ТЛОИДР. 1833. Ч. 6. С. 121-123.

⁴¹⁰ Нечаев С. Д. Замечание о старинном медном образе // ТЗОИДР. 1826. Ч. 3, кн. 1. С. 131-136; см., например: Шевченко Ю. Ю. Русские амулеты с образом архангела из пещерного храма южной Италии времен норманнского завоевателя Роберта Гвискара // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. Т. А. Шрадер. СПб., 2010. С. 34.

Библии (в греческом языке, например, слово κλοῖδς (гривна) обозначает «ошейник») он установил, что на Руси «гривной» назывался знак отличия, который носили на шее в виде золотого или серебряного обруча⁴¹¹.

Ряд авторов внес свой вклад в реконструкцию и изучение проблематики древнерусских монетных систем. Так, Н. С. Арцыбашев, отмечая различие между серебряными и «кунными» гривнами, указал, что последние были монетами «числительными, или условными»⁴¹². И. П. Бекетов был сторонником теории «всеобщих меховых денег», согласно которой до XIV в. на Руси были в обращении только «шкурки звериные», эквивалентные стоимости условной гривне, соответственно своему номиналу именуемые «кунами», «ногатами» и «векошами»⁴¹³. И. Д. Беляев, напротив, в целом придерживался теории «всеобщих металлических денег», допуская, что куны, резани, ногаты, векши и веверицы могли быть двух типов: «одни – шкурками, а другие – золотые, серебряные и медные, только с удержанием названия шкурок»⁴¹⁴.

Систематизацией древнерусских монет занимался А. Д. Чертков, которого часто называют «родоначальником русской нумизматики»⁴¹⁵ благодаря выходу в свет его знаменитого каталога монет Северной Руси XIV–XVI вв.⁴¹⁶ В своей монетной

⁴¹¹ Карецкий Ф. Некоторые замечания о гривне как древнем знаке отличия в России // ТЛОИДР. 1828. Ч. 4, кн. 1. С. 228, 234–236.

⁴¹² Арцыбашев Н. С. О древних русских деньгах // ЗТОИДР. 1824. Ч. 2. С. 118.

⁴¹³ Бекетов И. П. Краткое обозрение древних ходячих монет, под названием кун бывших в употреблении в России // ТЛОИДР. 1833. Ч. 6. С. 136–164.

⁴¹⁴ Беляев И. Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси // ЧОИДР. 1846. Год 1. Кн. 3. С. 13.

⁴¹⁵ См., например: Фролова М. М. А. Д. Чертков и его вклад в русскую нумизматику и археологию // Российская археология. 2010. № 4. С. 146.

⁴¹⁶ Чертков А. Д. Описание древнерусских монет. М., 1834.

классификации он применил историко-географический принцип, следуя немецкому востоковеду Х. Д. Френу. В 1837 г. Чертков опубликовал дополненное описание монетных систем великих и удельных князей, охарактеризовав в каждой историко-территориальной системе общие нумизматические признаки: вес, тип (изображения, надписи) и фигуру бывших в обращении монет⁴¹⁷. По мнению современного археолога и нумизмата Г. А. Федора-Давыдова, стараниями Черткова «были выделены и правильно описаны многие классы монет, соответствующие основным центрам русской чеканки»⁴¹⁸.

Таким, образом, в сфере изучения памятников материальной культуры археологам и нумизматам ОИДР принадлежит ряд важных достижений. Во-первых, был сформирован взгляд на материальные объекты культурного наследия как на исторические источники, что послужило началом разработки археологической версии истории. Во-вторых, в процессе археологических изысканий стала формироваться методика исследований, предприняты попытки осмысления и обобщения полученных результатов. В-третьих, результаты археологических раскопок стали основанием для последующих доисследований выявленных объектов. В-четвертых, стараниями нумизматов были заложены теоретические направления в сфере изучения, классификации и систематизации древнерусских монет.

§ 3. Исследования, связанные с нематериальным культурным наследием

⁴¹⁷ Чертков А. Д. Несколько слов вместо предисловия к описанию русских древних монет // ТЛЮИДР. 1837. Ч. 7. С. 1-56.

⁴¹⁸ Федор-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 9.

Из общей концепции культурного наследия «нематериальное наследие» как понятие выделилось сравнительно недавно. До его появления в науке рассматривались отдельные аспекты нематериального культурного наследия (далее – НКН), служившие предметом этнографического и фольклористического исследования, а само нематериальное наследие часто обозначалось термином «духовные ценности»⁴¹⁹.

Согласно Конвенции «Об охране нематериального культурного наследия», принятой ЮНЕСКО в 2003 г., к нематериальному наследию относятся «обычай, формы представления и выражения, знания и навыки», а также связанные с ними «предметы... и культурные пространства», признанные сообществами и отдельными лицами «в качестве части их культурного наследия». В тексте документа отмечается, что НКН поддерживается живой традицией, формирующей у ее носителей «чувство самобытности и преемственности»⁴²⁰.

Обращает на себя внимание ряд особенностей осмысления феномена нематериального наследия в современной историографии. Во-первых, отмечается неоднозначность и небесспорность подразделения концепта культурного наследия на материальное и нематериальное⁴²¹, связанная с признанием

⁴¹⁹ См., например: Малкина Л. Н. К вопросу о культурном наследии // Вестник ИрГТУ. 2014. № 3 (86). С. 278.

⁴²⁰ Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. Париж, 2003. С. 2 // UNESDOC. Цифровая библиотека. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus (дата обращения 17.03.2020).

⁴²¹ Кабицкий М. Е. Нематериальное наследие как элемент конструирования смыслов культурного дискурса и некоторые вопросы его изучения и использования в России и странах Европы. Б. м., б. г. // Новые

учеными нематериальности всякого наследия, представляющего собой «процесс создания значений»⁴²². Во-вторых, указывается на различие между западной и восточной концепциями аутентичности: если западные культуры стремятся сохранить аутентичность материи объекта, то восточные – аутентичность его формы и субстанции⁴²³. Неслучайно, термин «нематериальное наследие» пришел из Японии и Кореи, где его относят к образцам не только народной, но и так называемой высокой культуры, тогда как в Европе НКН обычно ассоциируется с культурой традиционной⁴²⁴. В-третьих, в силу ассоциации феномена НКН с традиционной культурой у некоторых исследователей анализ первого часто подменяется анализом второй⁴²⁵.

В историографии предпринимаются попытки дать определение НКН и его объектам. Так, культуролог Л. А. Климов относит к объектам нематериального наследия культурные смыслы материальных и нематериальных явлений и, шире – языки культуры⁴²⁶. Историк М. Е. Кабицкий представляет нематериальное наследие как процесс выстраивания системы значений в соответствии с «определенным набором ценностей»⁴²⁷. Согласно Е. Н. Мастенице, под объектами НКН следует понимать «ментальные представления, абстрактные образы, ценностные нормы, российские гуманитарные исследования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2012/> (дата обращения 17.03.2020).

⁴²² Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс, 2010. С. 148.

⁴²³ Чепайтене Р. Указ. соч. С. 148.

⁴²⁴ Девалье А., Мересс Ф. Ключевые понятия музеологии / Пер. А. В. Урядникова. М., 2012. С. 61; Чепайтене Р. Указ. соч. С. 151.

⁴²⁵ Климов Л. А. Нематериальное культурное наследие: к вопросу о содержании понятия // Вопросы культурологии. Научно-практический и методологический журнал. 2011. № 9. С. 16.

⁴²⁶ Там же. С. 17.

⁴²⁷ Кабицкий М. Е. Указ. соч. [Электронный ресурс].

нравственные критерии, эстетические категории в разнообразных проявлениях человеческой деятельности»⁴²⁸.

Конвенции об охране нематериального наследия предшествовала созданная ЮНЕСКО программа «Провозглашения шедевров устного и нематериального наследия человечества», выделившая две категории проявления НКН: 1) народные и традиционные формы выражения и 2) культурные пространства, понимаемые как места концентрации народной и традиционной культурной деятельности⁴²⁹.

Конкретизация народных и традиционных форм выражения представлена в Конвенции неполным списком, который включает:

- устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя НКН;
- исполнительские искусства;
- обычаи, обряды, празднества;
- знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;
- знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами⁴³⁰.

Следуя данной классификации, из всего спектра публикаций Общества истории и древностей российских можно выделить исследования, связанные с той или иной сферой проявления НКН.

⁴²⁸ Мастеница Е. Н. Нематериальное наследие как объект музеефикации: теоретико-методологические основания // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1 (1). С. 82.

⁴²⁹ Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage of Humanity. Proclamations 2001, 2003 and 2005. Paris, 2006. P. 4.

⁴³⁰ Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия... С. 3 [Электронный ресурс].

Изучением устной традиции славянского фольклора в ОИДР занимался филолог и славист П. А. Бессонов. В 1854 г. он опубликовал собрание болгарских народных песен с объяснениями. Публикацию сопровождали два фундаментальных исследования: о новоболгарском языке и о соотношении сербского и болгарского эпосов⁴³¹.

Ученый предпринял попытку выявления генезиса новоболгарского языка, установив его историческую связь со среднеболгарским и церковнославянским. Согласно Бессонову, в период бытования среднеболгарского языка церковнославянский имел для болгар «значение языка письменного», а с пресечением письменной традиции болгарский язык жил в пословицах и песнях, сохранив «в этих явлениях... все те данные, к которым привело его вековое устное употребление»⁴³².

В контексте изучения взаимоотношений сербского и болгарского эпосов Бессонов отметил, что язык новоболгарских песен «принадлежит эпическому творчеству», являясь «языком живым, современным», не только памятником прошлого, но и образцом настоящего⁴³³. По мнению исследователя, эпические песни у разных славянских народов «во взгляде на мир событий» и в способах выражения «имеют много общего», в лирических же песнях славян наблюдается «разнообразие»⁴³⁴.

В отечественной историографии некоторые выводы Бессонова были подвергнуты критике. Исследователь славянских литератур Н. И. Кравцов считал безосновательной

⁴³¹ ВОИДР. 1854. Кн. 21, отд. 2. С. I-XVIII, 1-156, 1-136.

⁴³² Там же. С. II, III.

⁴³³ Бессонов П. А. Эпос сербский и болгарский во взаимных отношениях, историческом и топографическом // ВОИДР. 1854 Кн. 21, отд. 2. С. 1-2.

⁴³⁴ ВОИДР. 1855. Кн. 22, отд. 2. С. III-IV.

идею ученого о зависимости сербского эпоса от болгарского⁴³⁵. Другие литературоведы указывали, что труды Бессонова не отличаются корректностью сопоставлений эпических сюжетов⁴³⁶.

Одной из форм выражения нематериального наследия являются актуальные системы письменности, что подтверждается практикой их включения в Репрезентативный список НКН человечества (см., например, сообщение о внесении в этот список трех систем грузинской письменности)⁴³⁷.

Монография чешского слависта и почетного члена ОИДР П. Й. Шафарика «О происхождении и родине глаголитизма» была посвящена проблеме хронологического соотношения двух славянских азбук – кириллицы и глаголицы. Автор привел убедительные доводы в пользу древности и первичности глаголицы по отношению к кириллице, указав на архаичность глаголической письменности и на смешение понятий, возникшее в тот период, когда глаголицу именовали кириллицей⁴³⁸.

Глаголическая скоропись как живое письмо употреблялась в метрических книгах и монастырском делопроизводстве Далмации вплоть до XIX, а в отдельных случаях – до середины XX в.⁴³⁹

⁴³⁵ Сербский эпос / Пер. Н. Берга, Н. Гальковского и Н. Кравцова; ред., исслед. и коммент. Н. Кравцова. М.; Л., 1933. С. 52.

⁴³⁶ См., например: Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999. С. 81.

⁴³⁷ Living culture of three writing systems of the Georgian alphabet. S. l., s. a. // Intangible Cultural Heritage. [Electronic resource]. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/living-culture-of-three-writing-systems-of-the-georgian-alphabet-01205> (дата обращения 17.03.2020).

⁴³⁸ ЧОИДР. 1860. Кн. 4, отд. 3. С. I-IV, 1-66.

⁴³⁹ Ušalj S., Franov-Živković G., Mihatov T., Žubrinić D., Divjak E., Hančić N. Mala početnica kurzivne glagoljice. Zagreb, 2002 [Elektronski izvor]. URL: <http://www.croatianhistory.net/etf/kurziv.html> (дата обращения 17.03.2020);

Представления о природе и вселенной, выработанные восточными славянами путем взаимодействия их с окружающей средой, представлены в ОИДР работами фольклориста А. Н. Афанасьева и этнографа Д. О. Шеппинга.

Как исследователь духовной культуры Афанасьев занимался построением «натурмифологической» системы славянского мира. Привлекая данные изучения «теогонии и космологии славян» и опираясь на бытующие в народной среде тексты заговоров, он попытался выяснить значение преданий об острове Буяне в системе языческих верований⁴⁴⁰. Интерпретация им Буяна как «страны вечного лета», где обитает божественная сила, приходящая в мир весной и уходящая из него осенью, вполне рецептируется современными исследователями, которые сходятся во мнении, что под этим мифотопонимом так или иначе следует понимать сакральный центр мироздания⁴⁴¹.

Статья этнографа Д. О. Шеппинга посвящена объяснению славянского мифологического сюжета о роде и рожанице, в различных формах и проявлениях присутствующего в фольклористике и народных верованиях⁴⁴². В контексте осмысления феномена НКН представляет интерес указание автора на то, что мифическим преданиям предшествуют «аллегорические формулы», отражающие «общие законы жизни и разума»⁴⁴³.

Глаголица. Б. м., б. г. // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/165069.html> (дата обращения 17.03.2020).

⁴⁴⁰ Афанасьев А. Н. Языческие предания об острове Буяне // ВОИДР. 1851. Кн. 9, отд. 1. С. 1-24.

⁴⁴¹ См., например: Савельева. Т. В. Цивилизационная модель в русском фольклоре // Горизонты цивилизации. 2013. № 4. С. 230-231.

⁴⁴² Шеппинг О. Д. Опыт о значении рода и рожаницы // ВОИДР. 1851. Кн. 9, отд. 1. С. 25-36.

⁴⁴³ ВОИДР. 1851. Кн. 9, отд. 1. С. 25.

Ряд исследований, опубликованных в изданиях ОИДР, можно отнести к работам, характеризующим культурные феномены, обособленные по этнотерриториальному принципу, т. е. образующие собой так называемые культурные пространства.

Этнограф А. Ретивцев изучал культурное пространство карелов Кашинского уезда Тверской губернии. Появление их на территории уезда он относит к XVII – началу XVIII в., приводит их численность и усматривает характерные черты «в физиономии и одежде», которыми некоторые из них отличаются от русских. Среди особенностей употребления карелами русского языка этнограф отмечает замену в грамматических именах и глаголах окончаний женского рода на окончания мужского, и наоборот, а также произношение имен собственных «полуименами» в уменьшительно-ласкательной форме. Ретивцев также указывает на странности свадебных обычаев карелов: например, «жениху не показывают лица невесты... до тех пор, пока не возвратится с ней в свой дом из церкви»⁴⁴⁴.

В небольшой статье священника М. Я. Диева зафиксированы результаты этнографических изысканий, проведенных им в 1840-х гг. в Нерехтском уезде Костромской губернии⁴⁴⁵. Автор предпринял попытку интерпретации происхождения и смысла различных народных традиций путем сопоставления их с древнеславянскими языческими обычаями. Так, использующееся в брачном приветствии жителей уезда слово «Олелю» он этимологически связывает с именем славянского бога любовной страсти Леля⁴⁴⁶.

⁴⁴⁴ ВОИДР. 1857. Кн. 25, отд. 3. С. 25-32.

⁴⁴⁵ ЧОИДР. 1846. Год 1. Кн. 2, отд. 4. С. 19-26.

⁴⁴⁶ Там же. С. 26.

Крупной этнографической работой стало исследование Ю. Ф. Крачковского, посвященное быту западнорусских селян – изучению жизненного уклада и традиций на территориях, заселенных белорусами⁴⁴⁷. Работа состоит из двух частей. В первой автор описывает и интерпретирует свадебные обряды, во второй – календарную обрядность и народное времяисчисление. Источниками исследования служат тексты свадебных, календарных и других фольклорных песен. Особого внимания заслуживает описание и интерпретация обряда многодневного печения свадебного каравая. Строго фиксированная последовательность действий каравайниц, сопровождаемая пением обрядовых песен, переносит присутствующих «в мир другой, невидимый...» и связана с прогностической функцией обрядов: «Удачное печение каравая предвещает молодым... добрый быт»⁴⁴⁸.

Итак, спектр публикаций Общества истории и древностей российских включает себя целый ряд исследований, связанных с различными сферами проявления нематериального культурного наследия.

Во-первых, это исследования, касающиеся отдельных традиционных и народных форм выражения, представленные 1) фундаментальным трудом об основе устной традиции болгарского фольклора – новоболгарском языке; 2) монографией о древнейшей системе письма, имеющей на тот момент живую традицию скорописи – глаголице – проявлении самобытной культуры в одном из уголков славянского мира; 3) работами о мировоззрениях и верованиях, относящихся к

⁴⁴⁷ ЧОИДР. 1873. Кн. 4, отд. 5. С. 1-212.

⁴⁴⁸ ЧОИДР. 1873. Кн. 4, отд. 5. С. 47, 40.

природе и вселенной – посвященных выяснению значений важнейших элементов мифологических систем.

Во-вторых, к этим исследованиям относятся работы, характеризующие и интерпретирующие народную и традиционную культурную деятельность в определенных местах ее концентрации: рассматривающие быт различных групп населения, обособленных по этнотерриториальному принципу: карелов, русских и белорусов.

Таким образом, исследования ОИДР в сфере материальной и нематериальной культуры являются важным компонентом его научно-исследовательской деятельности наряду с изучением письменного наследия и трудами по славянской и отечественной истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе предпринята попытка комплексного исследования культурной деятельности Общества истории и древностей российских – движением от общего к частному, путем структурно-функционального анализа предметной области исследования.

Всякая устойчивая деятельность представляет собой исторический процесс, методически расчленяемый на определенные структурные единицы – исторические этапы. В результате анализа истории создания и процесса эволюции ОИДР было выделено несколько этапов: начальный (1804–1812), «археографический» (1815–1837), «императорский» (1837–1893), профессиональный (1893–1918) и заключительный (1918–1929).

Возникнув в русле просветительской археографической традиции в результате социокультурных трансформаций, инициированных петровскими и екатерининскими реформами (как кружок любителей отечественной истории, состоявший из университетских преподавателей и коллекционеров древностей), ОИДР приступило к «критическому изданию» Первоначальной летописи. Вступление наполеоновской армии в Москву в 1812 г. прервало работу ОИДР: в огне московского пожара погибли архив и ценные коллекции Общества, организация издательской формы деятельности пресеклась. С возобновлением работы ОИДР и началом выхода в свет его повременных изданий начинается новый этап деятельности Общества (1815), завершившийся переходом его основной функции – критического издания летописей – к Археографической комиссии и потому получивший название

«археографического». Начало самого длительного этапа эволюции Общества связано с его деятельностью в новом статусе как «императорского» (1837), который оно получило благодаря руководству и покровительству просвещенного аристократа гр. С. Г. Строганова. Длительность этого этапа определяется хронологическим единством принадлежащих ему существенных черт, проявлявшихся в контексте концептуального единства поисков в отечественной историографии 1830–1870 гг. Новая историографическая ситуация, оформившаяся в последнее десятилетие XIX в., способствовала профессионализации состава научно-исторических обществ, постепенно устраняя из отечественной исторической науки любительское начало. С принятием в 1893 г. нового устава ОИДР, зафиксировавшего универсальный (общеисторический) характер деятельности Общества, начинается профессиональный этап его эволюции. С прекращением выхода в свет повременных изданий ОИДР – когда его единственной формой деятельности стала дискуссионная – наступил последний, заключительный этап истории Общества (1918), окончившийся его закрытием в 1929 г. в связи с т. н. Академическим делом.

Таким образом, каждый этап выделен в соответствии с определенным сюжетным концептом, отражающим наиболее общую закономерность происходивших процессов. Наименования и хронологические рамки этапов достаточно условны: археографическая деятельность Общества не прекратилась с окончанием одноименного этапа, и оно не перестало именоваться «императорским» после 1893 г.

В предметном ракурсе исторический процесс представляет собой какую-либо деятельность, а в отношении

функционирования ОИДР – культурную деятельность, предполагающую сохранение и создание культурных ценностей. Таким образом, структура культурной деятельности ОИДР состоит из двух видов – памятникоохранной и научно-исследовательской.

Памятникоохранная деятельность представляет собой реализацию комплекса мер, направленных на актуализацию и сохранение культурного наследия. В результате анализа памятникоохранной деятельности ОИДР выявлены два направления: 1) актуализация письменного наследия и 2) сохранение древностей.

Актуализация письменного наследия представляет собой введение его в актуальную культуру посредством археографической практики – путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации. В ОИДР актуализация письменного наследия включала в себя, во-первых, издание памятников древнерусской письменности и литературы – летописей, древнерусских юридических документов и литературных произведений различного жанра, во-вторых, публикацию целого комплекса письменных источников.

Первая попытка «критического издания» древнейшего списка Первоначальной летописи оказалась неудачной – текст издания погиб в огне московского пожара в 1812 г. Работу над Лаврентьевской рукописью продолжил проф. Р. Ф. Тимковский, печатавший текст памятника по лучшему списку с «подведением вариантов» и успевший подготовить только 13 печатных листов. Потребность в издании Первоначальной летописи и взгляд на нее как на цельное произведение одного автора стали ответом на определенный социокультурный

запрос: в начале XIX в. «Нестор» занимал в российском социуме место родоначальника всей средневековой русской культуры. Реагируя на этот запрос, археографы ОИДР стремились опубликовать прежде всего памятники, репрезентирующие культурный код Древней Руси. Таким памятником стала Русская Правда – древнейший юридический кодекс, опубликованный в своей пространной редакции дважды – в 1815 и 1843 гг. Среди литературных произведений двукратного издания удостоилось «Слово о полку Игореве», сочетающее в себе книжные и устные жанры. В ОИДР также был издан древнейший из дошедших до нас наряду с Остромировым Евангелием памятник литературы – Изборник Святослава 1073 г.

Анализ археографической деятельности ОИДР показал, что его отдельными и серийными публикациями был затронут почти весь корпус источников российской истории, включающий в себя помимо памятников древнерусской письменности комплекс актовых и делопроизводственных материалов, фольклорные произведения, источники личного происхождения и научные труды.

В ходе археографической практики возникали дискуссии о принципах публикации памятников, вырабатывались методы критики текста и способы его воспроизведения. Переиздавая уникальные и важнейшие памятники и повышая научный уровень своих публикаций, археографы ОИДР способствовали активизации их социокультурной роли. Воспроизведение текстов памятников в соответствии с определенными принципами и в контексте того или иного информационного сопровождения (предисловие, примечания, комментарии, оглавление, указатели и др.) обеспечивало памятникам

необходимую интерпретацию и социокультурную адаптацию для включения их в актуальную культуру.

Таким образом, анализ археографической деятельности ОИДР выявил следующие положения:

- в силу литературоцентричности древнерусской культуры включение в актуальную культуру памятников древнерусской письменности и литературы посредством археографической деятельности ОИДР можно интерпретировать как способ репрезентации и актуализации средневековой русской культуры;

- публикацию целого комплекса письменных источников в изданиях ОИДР следует рассматривать как весомый вклад в актуализацию письменного наследия.

Другое направление памятникоохранной деятельности ОИДР - сохранение древностей путем коллекционирования. Общество имело обширную библиотеку манускриптов и старопечатных книг и минц-кабинет, в котором скапливались старинные монеты, медали и другие предметы материальной культуры. Регистрация древностей производилась с помощью составления каталогов - описаний коллекций.

Анализ библиографических записей из каталогов П. М. Строева и Е. И. Соколова показал, что в состав рукописно-книжной коллекции ОИДР входят ценные манускрипты XIV-XVII вв.: хронографы, списки Соборного уложения 1649 г., юридические акты, произведения скриптурного и литургического жанров - евангелия, служебные шестодневны, минеи, триоди, прологи; вероучительные, дидактические и агиографические сборники. В начале XX в. библиотека ОИДР вмещала около 1,5 тыс. манускриптов, свыше 4,5 тыс.

историко-юридических актов и более 14 тыс. томов книг и периодических изданий.

В результате анализа нумизматического каталога и повлиявших на его структуру принципов каталогизации А. Д. Черткова сформировано представление о составе коллекций минц-кабинета ОИДР. В частности, в составе его коллекций – монеты Московского, Тверского, Рязанского великих княжеств и различные предметы материальной культуры: иконы, слитки, сосуды, печати, оттиски, изображения, портреты и другие вещи. К концу XIX в. коллекции минц-кабинета ОИДР насчитывали в общей сложности 8000 предметов, нумизматические собрания РАО и ООИД – соответственно, 6000 и 13 000 экземпляров.

Таким образом, формирование коллекций ОИДР, ценных по своему составу и обширных по количественным характеристикам, стало значительным вкладом в сохранение документального (рукописно-книжного) наследия и предметов материальной культуры.

Научно-исследовательская деятельность представляет собой производство интеллектуальных культурных ценностей – результатов и методов научных исследований. В ходе анализа научно-исследовательской деятельности ОИДР выявлено несколько направлений: 1) источниковедческие исследования, 2) разработка предметов общеславянской и отечественной истории, 3) исследования материальной культуры и 4) исследования в сфере нематериального культурного наследия.

В рамках источниковедческих исследований ОИДР внесло свой вклад в становление следующих дискурсов и концепций:

1. Понятие летописного свода разработано на рубеже XIX–XX вв. Развитие летописного дискурса берет свое начало в

интерпретации П. М. Строевым летописей как сборников, или сводов, различных, не дошедших до нас текстов. Благодаря А. А. Шахматову «летописный свод» стал пониматься иначе – как несуществующий и гипотетически реконструируемый общий протограф сохранившихся летописей.

2. Двойное летоисчисление в летописных хронологических системах – мартовское и ультрамартовское – открыто Н. В. Степановым.

3. Идея постоянного сохранения обычного русского права на землях, причастных к наследию Киевской Руси, обоснована А. В. Семеновым, указавшим на общий источник и сходство правовых норм Литовской и Московской Руси.

4. Детальный и углубленный источниковедческий и текстологический анализ литературных памятников Древней Руси на примере изучения «Слова о полку Игореве» проведен Е. В. Барсовым, показавшим тесную связь этой повести с произведениями летописного жанра.

В результате анализа научных трудов ОИДР по истории России и славянских народов выявлено несколько тематических субнаправлений: 1) история расселения славянских племен; 2) истоки Древнерусского государства и его история в домонгольский период; 3) общественно-политическая история западнорусских земель; 4) политическая и социально-экономическая история Московского государства и присоединенных к нему земель; 5) административно-территориальные реформы в Российской империи в XVIII в.

Изучение материальной культуры в ОИДР представлено трудами по археологии и нумизматике. В результате археологических исследований, во-первых, был сформирован взгляд на материальные объекты культурного наследия как на

исторические источники, что послужило началом разработки археологической версии истории. Во-вторых, в процессе археологических изысканий стала формироваться методика исследований, предприняты попытки осмысления и обобщения полученных результатов. В-третьих, результаты археологических раскопок стали основанием для последующих доисследований выявленных объектов. Нумизматами-исследователями были заложены теоретические направления в сфере изучения, классификации и систематизации древнерусских монет.

Анализ спектра научных трудов ОИДР, связанных с различными сферами проявления нематериального культурного наследия, позволил вычлениить две группы исследований:

1. Исследования традиционных и народных форм выражения, включающие в себя: 1) труды об основе устной традиции болгарского фольклора – новоболгарском языке; 2) монографию о древнейшей системе славянского письма, имеющей на тот момент живую традицию скорописи – глаголице; 3) работы, нацеленные на выяснение значений важнейших элементов мифологических систем в мировоззрениях и верованиях, относящихся к природе и вселенной.

2. Исследования культурных пространств – мест концентрации народной и традиционной культурной деятельности.

Анализ направлений научно-исследовательской деятельности ОИДР в целом показал, что результаты и методы его научных исследований в сфере источниковедения и разработки предметов общеславянской и отечественной

истории и в области изучения материальной и нематериальной культуры следует рассматривать как существенный интеллектуальный вклад в культурное наследие России и славянских народов.

Таким образом, комплексный анализ предметной области исследования выявил сложную функциональную структуру культурной деятельности Общества истории и древностей российских, представленную:

- направлениями памятникоохранного и научно-исследовательского видов деятельности;
- издательской, коллекционной и дискуссионной формами деятельности.

Общество истории и древностей российских представляет собой уникальный феномен в истории отечественной исторической науки: 125 лет почти непрерывной деятельности, свыше 300 томов отдельных и периодических изданий, вмещающих более 4 тыс. публикаций. ОИДР – это цвет российской исторической науки XIX – начала XX в.: в разные годы в его состав входили выдающиеся историки и ученые: Ю. В. Готье, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, П. М. Строев, М. Н. Тихомиров, А. А. Шахматов и другие. Возникнув в начале XIX в. как кружок любителей отечественных древностей, ОИДР затем эволюционировало в научно-историческую ассоциацию универсального характера. Повысив уровень своей профессиональной культуры на рубеже XIX–XX вв., Общество актуализировало крупнейшие комплексы письменных памятников и внесло заметный интеллектуальный вклад в развитие ряда направлений отечественной исторической науки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Список использованных источников:

1. Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О. Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.
2. Арцыбашев Н. С. Повествование о России: в 4 т. М.: В Унив. тип., 1838–1843.
3. Белокуров С. А. Указатель ко всем периодическим изданиям Императорского общества истории и древностей российских при Императорском московском университете по 1915 г. // Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. Кн. 2. С. 1–288.
4. Временник Императорского московского общества истории и древностей российских: в 25 кн. / М.: В Унив. тип., 1849–1857.
5. Глаголица. Б. м., б. г. // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/165069.html> (дата обращения 17.03.2020).
6. Голубцова Е. И., Ошанина Е. Н. Коллекция Московского общества истории и древностей российских // Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка им. Ленина. М., 1952. Вып. 13. С. 3–29.
7. История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896 / Сост. Н. И. Веселовский. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. 514 с.

8. История общества и дневные записки его заседаний // ЗТОИДР. 1815. Ч. 1. С. XXXVI–CL.
9. Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. СПб.: При Имп. акад. наук, 1792. 264 с.
10. Летопись Несторова, по древнейшему списку мниха Лаврентия / Изд. проф. Тимковского, прерывающееся 1019 годом. М.: В Унив. тип., 1824. 105 с.
11. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. Париж: ЮНЕСКО, 2003. С. 2 // UNESDOC. Цифровая библиотека. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus (дата обращения 17.03.2020).
12. Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. 448 с.
13. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сборник документов и материалов / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.
14. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (с изменениями и дополнениями): закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612–I. Б. м., б. г. // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/104540/5ac206a89ea76855804609cd950fc7/> (дата обращения: 07.05.2020).
15. Память мира. Общие руководящие принципы сохранения документального наследия (пересмотренное издание 2002 г.) / Подг. Реем Эдмондсоном. Париж: ЮНЕСКО, 2002. 72 с.
16. Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гл. арх. упр. при СМ СССР, 1990. 187 с.
17. Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1835–1840 гг. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1885. Вып. 1. 636 с.

18. Псковская летопись, изданная на иждивении Общества истории и древностей российских при Московском университете М. Погодиным. М.: В Унив. тип., 1837. 281 с.
19. Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, учрежденном при Императорском московском университете: в 3 ч. / М.: В Унив. тип., 1837–1844.
20. Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских: в 7 т. / Ред. М. П. Погодин. М.: В Унив. тип., 1837–1844.
21. Соколов Е. И. Библиотека Императорского общества истории и древностей российских. Вып. 2. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. вкл. М.: Унив. тип., 1905. 936 с.
22. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX в.: сборник документов / В. С. Дедюхина и [др.]. М.: Отечество, 1997. 396 с.
23. Строев П. М. Библиотека Императорского общества истории и древностей российских. М.: В Тип. Августа Семена, 1845. 357 с.
24. Супрасльская рукопись, содержащая Киевскую и Новгородскую сокращенные летописи / Изд. М. А. Оболенского. М.: В Синод. тип., 1836. 232 с.
25. Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Московском университете: в 8 ч. / М.: В Унив. тип., 1815–1837.
26. Университетский устав (5 ноября 1804). Б. м., б. г. // Летопись Московского университета. [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (дата обращения: 07.05.2019).

27. Устав Императорского общества истории и древностей российских, состоящего при Императорском московском университете // Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те. 1893. Кн. 1. С. 1-8.

28. Устав Общества истории и древностей российских, высочайше одобренный января 21-го дня 1811 года // Записки и труды Общества истории и древностей российских, учр. при Имп. моск. ун-те. 1815. Ч. 1. С. I-XXIV.

29. Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. 208 с. // С.-Петербург. филиал Архива РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://ganar.spb.ru/rus/books1/id/272/> (дата обращения: 20.03.19).

30. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете: в 264 кн. / М., 1846-1918.

31. Наріжний С. Одеське товариство історії й старовини // Праці Українського історично-філологічного товариства в Празі. 1942. Т. 4. С. 215-234.

32. Living culture of three writing systems of the Georgian alphabet. S. l., s. a. // Intangible Cultural Heritage. [Electronic resource]. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/living-culture-of-three-writing-systems-of-the-georgian-alphabet-01205> (дата обращения 17.03.2020).

33. Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage of Humanity. Proclamations 2001, 2003 and 2005. Paris: UNESCO, 2006. 107 p.

34. The Laurentian Chronicle 1377. S. l., s. a. // Memory of the World. [Electronic resource]. URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/registered-heritage-page-8/the-laurentian-chronicle-1377> (дата обращения: 18.10.2019).

35. Ušalj S., Franov-Živković G., Mihatov T., Žubrinić D., Divjak E., Hančić N.
 Mala početnica kurzivne glagoljice. Zagreb, 2002 [Elektronski izvor]. URL: <http://www.croatianhistory.net/etf/kurziv.html> (дата обращения 17.03.2020).

Список использованной литературы:

1. Авдеев А. Г. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси: дис. ... док. ист. наук. М.: РГГУ, 2018. Т. 1: Исследование. 1042 с.
2. Актуализация наследия. Б. м., б. г. // Музейная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?41> (дата обращения: 18.10.2019).
3. Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки славянской культуры, 2000. 312 с.
4. Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Общества по изучению истории в Московском университете XIX – начала XX в. // Вестник московского университета. Серия 8. История. 2004. № 2. С. 95–105.
5. Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Ч. 1: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1552 г. 180 с.
6. Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916. 492 с.

7. Боярченков В. В. Общество истории и древностей российских в середине 1840-х гг. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 114-121.
8. Боярченков В. В. «Секретарь антикварского сословия»: О. М. Бодянский в Обществе истории и древностей российских. К 200-летию со дня рождения ученого-слависта // Славяноведение. 2009. № 2. С. 91-102.
9. Боярченков В. В. Историческая наука в России 1830-1870-х гг.: поиск новой концепции русской истории: автореферат дис. ... докт. ист. наук. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2009 // Человек и Наука. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/istoricheskaya-nauka-v-rossii-1830-1870-h-gg-poisk-novoy-kontseptsii-russkoj-istorii> (дата обращения: 27.12.2018).
10. Боярченков В. В. С. Г. Строганов, С. С. Уваров и «история Флетчера» 1848 г. // Российская история. 2009. № 5. С. 144-150.
11. Бутырская И. Г. Начало формирования исторической науки в России при Петре I и Екатерине II // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 17-3. С. 6-16.
12. Бухерт В. Г. Общество истории и древностей российских при Московском университете в 1917-1929 гг. // Археографический ежегодник за 2002 г. 2004. С. 149-165.
13. Вовина-Лебедева В. Г. Издания и исследования русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2011. Вып. 4. С. 3-12.
14. Вовина-Лебедева В. Г. К истории летописных сборников XVII-XVIII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 109-116.

15. Вяткин В. В. Алексей Иванович Мусин-Пушкин // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 20–32.
16. Глебова И. И. Освоение прошлого как научно-информационная задача // Теория и практика общественно-научной информации. 2005. Вып. 19. С. 54–87.
17. Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
18. Гриффен Л. А. Теоретические основания памятниковедения / Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. Киев, 2012. 82 с.
19. Девалье А., Мересс Ф. Ключевые понятия музеологии / Пер. А. В. Урядникова. М.: ИКОМ России, 2012. 101 с.
20. Демидов И. А., Ишутин В. В. Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки. Историографический ежегодник. 1975. 1978. С. 250–280.
21. Добрушкин Е. М. О границах понятия «археографическая публикация» (К постановке вопроса). Б. м., б. г. // Открытый текст. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/arkheography/metod/index.html?id=6870> (дата обращения: 12.02.2020).
22. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1891. Т. 1. Кн. 1. Отд. 1. С. 297–302.
23. Илюшенко М. П. К вопросу о функциях документов // Советские архивы. 1973. № 5. С. 10–17.
24. Ишутин В. В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848)

// Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М.: Наука, 1984. С. 97-115.

25.Иштуин В. В. Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях Общества истории и древностей российских за 1815-1848 гг. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 6-22.

26.Кабицкий М. Е. Нематериальное наследие как элемент конструирования смыслов культурного дискурса и некоторые вопросы его изучения и использования в России и странах Европы. Б. м., б. г. // Новые российские гуманитарные исследования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2012/> (дата обращения 17.03.2020).

27.Климов Л. А. Нематериальное культурное наследие: к вопросу о содержании понятия // Вопросы культурологии. Научно-практический и методологический журнал. 2011. № 9. С. 15-19.

28.Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 187-196.

29.Козлов В. П. Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. 2001. № 1. С. 10-33.

30.Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. 211 с.

31.Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: учебное пособие / Под ред. М. С. Селезнева. М.: МГИАИ, 1969. 228 с.

32.Котляр Н. Ф. Летописание как явление средневековой книжной культуры // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 51-54.

33. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
34. Леонтович Ф. И. Русская Правда и Литовский Статут, в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права. Киев: Киевские университетские известия, 1865. 92 с.
35. Лихачев Д. С. Летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 479 с.
36. Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. Доклады советской делегации. V международный съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 47–70.
37. Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978. 359 с.
38. Лихачев Д. С., Алексеев А. А., Бобров А. Г. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). 3-е издание, перераб. и доп. СПб.: Алетейя, 2001. 759 с.
39. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.
40. Майоров А. В., Котов А. Э. Из истории издания русских летописей: последнее начинание графа Н. П. Румянцева // Русская литература. 2018. № 1. С. 5–34.
41. Малето Е. И. В. О. Ключевский и Московское общество истории и древностей российских (По материалам Научного архива ИРИ РАН) // Исследования по источниковедению России (до 1917 г.): сборник статей / Отв. ред. П. И. Зырянов. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 252–281.
42. Малкина Л. Н. К вопросу о культурном наследии // Вестник ИрГТУ. 2014. № 3 (86). С. 277–284.

- 43.Мастеница Е. Н. Нематериальное наследие как объект музеефикации: теоретико-методологические основания // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1 (1). С. 79–85.
- 44.Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. Т. 3: Национализм и европеизм. 480 с.
- 45.Моисеева Г. Н. Археографическая деятельность Н. И. Новикова // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени / Ред. Г. П. Макогоненко. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. С. 24–36.
- 46.Мохначева М. П. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М.: РГГУ, 1999. 511 с.
- 47.Насонов А. Н. Псковские летописи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 1. 146 с.
- 48.Павлов П. Е. Столетие первого русского исторического общества // Исторический вестник: историко-литературный журнал. 1904. Т. 95. С. 1045–1054.
- 49.Паскаль А. Д. Об ошибочной атрибуции Минеи служебной, ноябрь – декабрь, ОИДР 337 как памятника эпохи Стефана Великого // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г.) / Отв. ред. Е. Л. Конявская. М.: Индрик, 2019. С. 153–154.
- 50.Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. СПб.: Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1870. Т. 1. 774 с.
- 51.Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб.: Сенатская типография, 1910. 666 с.

52. Поленов Д. В. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб.: В Тип. Имп. акад. наук, 1850. 148 с.
53. Полин С. В., Алексеев А. Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Серия «Курганы Украины». Киев-Берлин: Издатель Олег Филюк, 2018. Т. 6. 930 с.
54. Полуешина Н. А. «Книжное устройство» как культурная стратегия: уроки ранней Руси // Государственная служба. 2014. № 1 (87). С. 106-109.
55. Полякова М. А. Подходы к изучению культурного наследия России в XVIII - начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. № 10/08. С. 257-266.
56. Попов Н. А. История Императорского московского общества истории и древностей российских. М.: Унив. тип., 1884. Ч. 1 (1804-1812). 253 с.
57. Приселков М. Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
58. Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014. 416 с.
59. Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 288 с.
60. Развитие научных подходов к публикации источников // Источниковедение: учеб. пособие / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 622-628.
61. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 938 с.
62. Савельева. Т. В. Цивилизационная модель в русском фольклоре // Горизонты цивилизации. 2013. № 4. С. 228-235.

63.Сагалакова Г. А. Самосознание сообщества российских мартинистов и розенкрейцеров в отечественной культуре последней четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул: АлтГУ, 2004 // Человек и Наука. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/samosoznanie-soobschestva-rossiyskih-martinistov-i-rozenkreytserov-v-otechestvennoy-kulture-posledney-chetverti-xviii-v> (дата обращения: 21.03.19).

64.Сербский эпос / Пер. Н. Берга, Н. Гальковского и Н. Кравцова; ред., исслед. и коммент. Н. Кравцова. М.; Л.: Academia, 1933. 651 с.

65.Сивков К. В. Деятельность исторических обществ и архивов // Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 573–575.

66.Соколова Л. В. Мысль // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3. К–О. 387 с.

67.Степанский А. Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–208.

68.Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. 1975. С. 38–55.

69.Сухомлинов М. И. История российской академии. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1874. Вып. 1. с.

70.Творогов О. В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 137–164.

71.Тихомиров. М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 254 с.

- 72.Тодийчук О. В. Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. Киев: Наукова думка, 1989. 160 с.
- 73.Федор-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М.: Издательство МГУ, 1981. 224 с.
- 74.Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.
- 75.Фролова М. М. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007. 592 с.
- 76.Фролова М. М. А. Д. Чертков и его вклад в русскую нумизматику и археологию // Российская археология. 2010. № 4. С. 143–148.
- 77.Хартанович М. Ф. К истории создания первых томов «Полного собрания русских летописей» (30–60-е гг. XIX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1993. Т. 24. С. 155–164.
- 78.Хартанович М. Ф. Научные общества России // Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66. № 12. С. 1120–1126.
- 79.Ходнев А. И. История Императорского вольного экономического общества. СПб.: В Тип. тов-ва «Общественная польза», 1865. 667 с.
- 80.Худолей Н. В. Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2017. Т. 14. № 4. С. 643–653.
- 81.Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 296 с.
- 82.Чертков А. Д. Описание древнерусских монет. М.: В Тип. С. Селивановского, 1834. 253 с.

83. Чеченков П. В. Документ и исторический источник: на перекрестке социально-гуманитарных наук // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. № 4. С. 36–45.
84. Чириков С. В. Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М.: Знак, 2005. 317 с.
85. Шахназарова М. Г. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» как историографический источник (1893–1918) // Вестник РГГУ. № 4/09. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. С. 133–145.
86. Шевченко Ю. Ю. Русские амулеты с образом архангела из пещерного храма южной Италии времен норманнского завоевателя Роберта Гвискара // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. Т. А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 34–50.
87. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. М.: Унив. тип., 1855. 599 с.
88. Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания России. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 1: Допетровская Русь, кн. 1. 480 с.
89. Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 340 с.
90. Супруненко О. Б. Олександр Терещенко. Полтава: Археологія, Полтав. літератор, 1997. Препринт. Вып. 11. 12 с.
91. Kaplan V. Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2017. 334 p.

92.Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki słowiańskie oprac Jan Leciejewski. Lwów-Warszawa: E. Wende i Spółka, 1906. 210 s.

Приложение. Структура культурной деятельности ОИДР

